



ПОСЛЕДНИЕ
ГИГАНТЫ

 **БОМБОРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 785:929(73)
ББК 85.318(3)-8
У63

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Man_Half-tube / DigitalVision Vectors / GettyImages.ru

Mick Wall

LAST OF THE GIANTS. THE TRUE STORY OF GUNS N' ROSES

© Wallwrite 2017

First published by Trapeze, London

Уолл, Мик.
У63 Последние гиганты. Полная история Guns N' Roses / Уолл М. —
Москва : Эксмо, 2022. — 512 с.

ISBN 978-5-04-093048-7

Guns N' Roses — одна из самых известных рок-групп в истории. За первые два года своего существования они успели завоевать любовь фанатов со всего мира и продать рекордные тиражи дебютного альбома.

Эта книга — единственная полная биография великой группы, написанная заслуженным музыкальным журналистом, знакомым с группой на протяжении многих лет. Вас ждет огромное количество эксклюзивных интервью, доступ к архивным записям и, главное — личные истории самих музыкантов. Атмосфера Голливуда 80-х годов, пленившая молодого мечтателя Акселя Роуза, первая неловкая репетиция Guns N' Roses, истории взросления музыкантов, создания песен, скандалов и ссор и, наконец, воссоединения.

УДК 785:929(73)
ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-04-093048-7

© Попова А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

Мик Уолл

ПОСЛЕДНИЕ ГИГАНТЫ
ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ GUNS N' ROSES

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Руководитель направления *Т. Коробкина*
Ответственный редактор *А. Дьяченко*
Художественный редактор *А. Шуклин*
Литературный редактор *Н. Бабаева*
Младший редактор *З. Сабанова*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндүрүш: «ЭКМО» АКБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дукен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат: [сайтты: www.eksmo.ru/certification](http://www.eksmo.ru/certification)

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

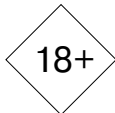
Өндiрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

■ ЧИТАЙ • ГОРОД

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«Эксмо-АСТ»

book 24.ru

Дата изготовления / Подписано в печать 14.04.2022
Формат 60x90¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,0.
Доп. тираж 1000 экз. Заказ



ISBN 978-5-04-093048-7



9 785040 930487 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги



Посвящается Эксу.
Ты выиграл.

Содержание

Благодарности 7

Часть 1 НА УЛИЦЕ

- | | |
|--|-----|
| 1. Ты вообще знаешь, где, черт возьми, находишься? | 11 |
| 2. Там, где красивые девушки | 36 |
| 3. Цыпленок а-ля ЛСД | 63 |
| 4. Пять черепов и ходячая смерть | 89 |
| 5. Слишком высоко | 116 |
| 6. Пропавший миллион | 142 |
| 7. Тупые наркоманы | 172 |
| 8. Летать как космический мозг | 203 |
| 9. Рай слишком близко | 235 |

Часть 2 РЕАЛЬНОСТЬ — ЭТО МЕЧТА

- | | |
|-------------------------------|-----|
| 10. По эту сторону ада | 265 |
| 11. Купил себе иллюзию | 294 |
| 12. Прекрасная лажа | 326 |
| 13. 2000 намерений | 354 |
| 14. The Project | 384 |
| 15. Аромат Мака | 411 |
| 16. Во всем виноват Фалуныгун | 439 |
| 17. В этой жизни | 473 |
| Примечания и источники | 503 |

Благодарности

Сердечное спасибо всем, кто помогал воплотить эту книгу в реальность, прямо или косвенно, во времени и пространстве. Благодарю вас, Линда Уолл, Анна Валентайн, Роберт Кирби, Малкольм Эдвардс, Алан Нивен, Дуг Голдштейн, Вики Гамильтон, Эмма Смит, Кейт Уолш, Марли Прайс, Джессика Пердью, Кристина Куявинска, Марк Хэндсли, Крейг Фрейзер, Марк Томас, Джон Хоттен, Дейв Эверли, Джо Дейли, Ванесса Ламперт, Стив Моран, Иэн Кларк и Джон Хокинс. Отдельная благодарность пяти участникам оригинального состава Guns N' Roses.

Часть первая

На улице

«Оставь надежду, иллюзии, желания... Я сам пытался, но все равно желаю не желать, надеюсь жить без надежды и питаю иллюзию, что смогу прожить без иллюзий. Оставь их. Откажись от всего, включая желание быть спасенным».

ЛЮК РАЙНХАРТ «ЧЕЛОВЕК ЖРЕБИЯ»

1

Ты вообще знаешь, где, черт возьми, находишься?

Лос-Анджелес полон призраков. Если проехать по Западному Голливуду, по бульвару Сансет и его многочисленным переулкам, то из прошлого обязательно возникнут имена и места — некоторые еще яркие, а другие словно в тумане, но при одном только упоминании каждое из них пробуждает свои собственные воспоминания. «Tower Records», которые обанкротились в 2006 году; отель «Hyatt», ранее страшно известный как «Дом бунтарей», а ныне стерильный бутик-отель под названием «Andaz West Hollywood»; концертный зал «Роху», бар «Rainbow», ночной клуб «Whisky a Go-Go», клуб «Troubadour» — все они еще стоят в тумане своего общего неповторимого прошлого; неприятные заведения типа ночных клубов «Coconut Teaszer» и «Gazzarri's» уже давно закрылись; тату-салон «Sunset Strip Tattoo» переехал из ветхой лавочки напротив «Hyatt», где раньше находился, вниз по бульвару Сансет; здания клубов «Starwood», «Tropicana», «Cathouse» и «Seventh Veil» полностью переделали; круглосуточный супермаркет «Ralphs» видел столько выдающихся музыкантов, что его прозвали «Rock'n'roll Ralphs»; здания «Capitol Records» и «Geffen Records» служат памятниками исчезнувшей индустрии. А чего стоят переулочки — каждый со своей историей:

Норт-Кларк-стрит, где когда-то в дешевых квартирках, которых здесь было полно, жили музыканты Mötley Crüe и Guns N' Roses; Алта Лома, где находился «тайный оазис» отеля «Sunset Marquis» — Хантер Томпсон называл его «Хилтоном для лузеров» — и где в домиках у плещущегося бассейна постоянно тусовались самые разные музыканты и богачи Лос-Анджелеса...

Сейчас Западный Голливуд совершенно другой, и, по иронии судьбы, в противоположность ярко выраженной гетеросексуальности 80-х, теперь это один из излюбленных районов ЛГБТ-сообщества. Но для тех, кто знаком с призраками этого района и кто застал его расцвет в 1980-х годах, он остается местом, где случалось все, что только могло случиться. Где в эту минуту все было о-о-о-очень круто, детка, но полностью выходило из-под контроля в следующую.

Представьте, что вы приехали сюда так же, как приехал Уильям Эксл Роуз и тысячи других — с автобусного вокзала «Грейхаунд» в Северном Голливуде, и впервые увидели район Стрип бульвара Сансет в свете ночных огней. Атмосфера этого места обрушилась на вас, как выстрел в спину, как заряженная смесь амбиций, страсти, наслаждений и отчаяния: каждый день здесь все равно что первый вечер вдали от дома — без ответственности, без забот о завтрашнем дне, без чьих-либо тупых советов о том, что тебе делать, что носить и куда идти, — пьянящий аромат свободы, который одурманивает и одновременно пугает. Концентрация бреда и тестостерона здесь просто зашкаливала. Каждый играл в какой-нибудь группе, собирал группу, думал собрать группу или работал промоутером, диджеем, виджеем или менеджером. В доинтернетовскую эпоху дешевые ксерокопии листовок были лучшим способом донести информацию, кто ты такой и когда ты играешь, — к концу вечера выброшенные бумажки покрывали бульвар Сансет как опавшие листья. Группы собирались, распались и снова собирались, один парень занимал место другого,

одно имя вычеркивали и вписывали новое, один сумасшедший сменялся другим. Свободные коллективы искали магическую формулу успеха, момент славы, когда фитиль наконец загорится и они начнут свое восхождение к вершине, перестав платить за свое участие в концертах.

Чудо на самом деле могло случиться и случилось: если оглядеться, то можно увидеть людей, которым крупно повезло, — вот Дэвид Ли Рот, вокалист Van Halen, величайшей группы самоучек Лос-Анджелеса, знакомится со своим менеджером Питом Анджелесом в клубе «Rainbow»; вот Винс Нил, мексиканский парнишка из плохого района, допелся до платинового рая в группе Mötley Crüe и ведет девушек, которые борются в грязи в клубе «Tropicana», к себе домой на вечеринку; вот Роббин Кросби, взрывной светловолосый гитарист Ratt, прислонился к барной стойке в «Troubadour», и его окружают девушки с членами и без... И пока боги не решат, что это и твоя судьба, ты будешь кочевать по дешевым комнатам, чужим диванам и подвалам для репетиций. В каком-то фильме несколько раз повторяли, что это «обед для слабаков», а в этом странном месте под названием Голливуд для слабаков были еще и завтрак, и ужин. Любые лишние деньги — а у кого они были? — уходили на пьянки, гулянки и листовки еще до того, как приходилось наскрести мелочь на фастфуд и всякую дешевую дрянь, которая оставалась на полках супермаркета «Ralphs» после полуночи. Настоящие голливудские вампиры знали девчонок, которые купят им продукты и пустят в свою постель, пока те стараются забраться наверх по скользкому шесту славы.

Это был особый образ жизни, который вели в определенное время в определенном месте, и вскоре с нескольких освещенных неонами улиц он распространился на весь мир. Рок-газетенки вроде «Hit Parade», «Circus», «RIP», «Spin» и «Kerrang!» только укрепили миф о жизни рок-музыкантов. Видеоклипы, которые сначала показывали в специализированной передаче

«Headbangers Ball», попали в дневной эфир на «MTV». Песни с радиостанций типа «KNAC» в исполнении Poison, W.A.S.P., Оззи Осборна стали крутить в эфире по всей Америке. Люди видели и слышали, что происходит в этом городе, поэтому тысячами съезжались сюда, чтобы стать частью этой жизни. Эксл пробыл здесь всего несколько недель, но это место и эти люди пугали его настолько, что он ходил «с газовым баллончиком в одной руке и куском арматуры в другой» — как настоящий деревенщина, каким он, собственно, и был. Но Роуз твердо знал, что еще вернется...

Юный Билл Бэйли, которому только исполнилось восемнадцать и который еще не был Уильямом Экслем Роузом, стал кошмаром для полицейских своего городка. В конце 1970-х годов в городе Лафайете штата Индиана большинство трудных подростков были одинаковыми: скучающими, пьяными, полными гормонов и не особенно умными. Чтобы их поймать, не нужно было вызывать ФБР. Билл Бэйли был другим. Он был умен, очень умен, и у его непокорности были корни и причины. Дело не в том, что копы не могли его арестовать. Они не могли его остановить, не могли заставить уважать власть и признать чей бы то ни было авторитет. По подсчетам Роуза, его арестовывали 20 раз («из них за дело только пять»), но, судя по протоколам суда Типпекану, за период с июля 1980 года по сентябрь 1982 года он провел в тюрьме всего десять дней — по обвинению в побоях и за правонарушения типа пьянства в общественном месте, противоправные действия и нанесение ущерба. Когда Роуз наконец добрался автостопом в Лос-Анджелес, то старался технично избегать арестов. Он еще долго туда не вернется.

Если Эксл Роуз — последняя великая рок-звезда, то Билл Бэйли — грустный, милый, умный, обиженный и злой ребенок. Казалось бы, Эксл оставил его в Лафайете, но он упрямо вылезает в каждом провале на сцене и каждой катастрофе,

происходящей за кулисами, в каждом проявлении упрямства и вспыльчивости. А еще этот ребенок в крайне редкие моменты доброты и уязвимости проявляет себя в песнях о любви, где раскрывает душу и так яростно защищается. Вот он, в песне «One in a Million»: «Полицейские и ниггеры, убирайтесь с дороги!» — и в песне «Sweet Child o' Mine»:

«У нее такая улыбка, что, кажется, она напоминает мне о детстве...» Это Роуз решил включить кавер на песню Чарльза Мэнсона в альбом «Spaghetti Incident?», и это Роуз старательно подражает Элтону Джону и Фредди Меркьюри. Это он неумоимо стремится контролировать все, что связано с Guns N' Roses, — от прав на название группы до сохранения музыкального наследия. Довольно легко проследить связь между юным Биллом Бэйли, который мечтает когда-нибудь исполнять песни не только в ванной родительского дома, где его не слышит фанатично-религиозный отец, и шедевральной альбомом «Chinese Democracy» — настолько выдающимся и опережающим время, что он мог принадлежать только рок-музыканту затворнику, который воспользовался возможностью представить миру совершенное произведение искусства, созданное там, где никто его не тревожит.

Наша история начинается 6 февраля 1962 года, когда у прелестной 17-летней матери-одиночки по имени Шэрон Линтнер, заканчивающей школу, и хулигана из Лафайета, которого тоже звали Уильям Роуз и которому даже школьное образование не давалось, появился на свет Уильям Брюс Роуз. Уильям и Шэрон то ли были женаты, то ли нет, но в 1964 году, когда Биллу не было еще и двух лет и он не осознавал, что происходит, родители разошлись. Биологический отец, возможно, похитил малыша и совершил в его отношении сексуальное насилие, хотя это, конечно, не точно. Когда много лет спустя Эксл занялся «регрессионной терапией», он утверждал: «Мне не нравилось, как он обращался со мной, еще до рождения, так что, когда я появился на свет,

то уже желал этому ублюдку смерти...» — и продолжал: «Уильям Роуз трахал меня в задницу... Я помню иглу. Помню, что меня укололи. Помню, что меня насильовал этот человек и что-то ужасное случилось с матерью, когда она пришла за мной».

Что было на самом деле, знает только Эклс. Если это и правда произошло, маленький Билл не вспоминал об этом. Год спустя Шэрон познакомилась со Стивеном Бэйли, вышла за него замуж, и Билл рос в уверенности, что Стивен и есть его настоящий отец.

Стивен Бэйли тоже был непростым папашей — Билл попал из огня прямо в полымя... Некоторые друзья в церкви называли Стива Жукон, на самом же деле его звали Преподобный Л. Стивен Бэйли, и его вера была подобна жупелу. Он проповедовал в Пятидесятнической церкви, которая стояла у проселочной дороги среди ферм, где ад и рай казались весьма реальными пунктами назначения, трансцендентность и грех были осязаемы, а люди корчились на полу и произносили слово Божье, которое нужно было поведать миру, где все стремились к пуританству, а рок-н-ролл, алкоголь, секс до свадьбы и другие удовольствия, естественно, были под запретом. Маленький Уильям и его названные брат и сестра, Стюарт и Эми, которые родились вскоре после свадьбы, ходили в церковь за 13 километров каждое воскресенье утром и вечером и каждую среду вечером, а иногда и чаще.

Когда в начальной школе у Уильяма начались очень реалистичные ночные кошмары о том, как они с мамой живут в одном доме со странным мужчиной, который совершает плохие поступки, ему сказали, что эти сны — проделки дьявола. О бесконечных походах в церковь он вспоминал: «Мы собирались в шатре и наблюдали исцеления. Мы видели, как слепые люди начинают читать, а другие — разговаривать на разных языках. Еще там были омовения ног и все такое». Дома Стивен Бэйли правил благочестивыми речами и железной рукой.

Уильяма ударили по лицу за то, что он взглянул на женщину в бикини в рекламе по телевизору, а сам телевизор вскоре после этого выбросили. Дети Бэйли слушали радио один раз в неделю днем по воскресеньям, когда у Стивена и Шэрон было «особенное время» в спальне. Когда много лет спустя Эксла спросили, сохранились ли у него счастливые воспоминания из детства, он ответил: «Было ли мне весело? Ого! Пожалуй, я помню, как в детстве мы играли втроем с братом и сестрой, когда отчим был в хорошем настроении, и мы возились друг с другом, словно убегая от реальности, и по-настоящему веселились».

Это все, больше никаких хороших воспоминаний. Обстановка в семье привела к внутренней социализации. Дети начали делать друг другу замечания, если кто-то из них видел или говорил что-то, связанное с сексом. Стивен дисциплинировал и муштровал их, а Шэрон, похоже, всегда была на его стороне. Он включал им записи христианского певца Джимми Сваггерта на катушечном магнитофоне и снова и снова заставлял слушать этого заезженного старого пройдоху. К десяти годам Уильям достаточно хорошо выучил Библию и выиграл церковный конкурс для детей, после чего его пригласили проповедовать. Он научился выступать перед аудиторией, а потом играть на пианино и петь и в этом нашел себя. Билл понял, что ему нравится музыка, и с удовольствием раз за разом репетировал церковные концерты.

Однажды в машине он услышал песню Барри Манилоу «Mandy», и припев был такой заводной, что Уильям начал подпевать. За что тут же получил удар по губам от Стивена, потому что песня эта «от лукавого». Эй, если за песню «Mandy» получаешь в челюсть, то какой же силой должна обладать эта музыка? Шэрон подарила Уильяму небольшой радиоприемник — вероятно, из чувства вины перед ним за отчима. Билл слушал его по ночам под одеялом, и перед ним открылся мир за пределами Лафайета, школы и церкви:

Элтон Джон, Queen, Led Zeppelin, Билли Джоэл... Вслушиваясь в слова, Уильям понял, что мелодии могут вызывать очень мощные чувства, и осознал, что музыка имеет огромную силу. Что его пение в церкви помогает прихожанам поднять к небесам старую деревянную крышу, под которой Стивен доводит их до беспамятства своими проповедями, а Фредди Меркьюри или Роберт Плант, стоя перед многотысячной толпой, заставляют ее прыгать, кричать и терять сознание...

Как только Уильям это понял, его жизнь начала меняться. Станный застенчивый парень, который в средней школе Сан-нисайд ходил, сутулясь и не поднимая глаз, в белой накрахмаленной рубашке и черных брюках со стрелками, в старших классах школы Джефферсон превратился в бунтаря, полупреступника, вспыльчивого драчуна с безумным взглядом, который настораживал даже самых крутых парней. Но интерес к музыке у парня не пропал. Как-то он сыграл на пианино «D'Yer Maker» Led Zeppelin, за что Стивен ударил его так, что свалил с табурета. Билл раздобыл сборник нот к песням Элтона Джона и дивился тому, как сложно устроены мелодии («он играет десятью пальцами самые странные аккорды в мире»). В магазине по пути на урок фортепиано подросток рассматривал рок-журналы типа «Creem», заодно обнаружив и другие — вроде «Oui» — с изображениями красивых женщин, как раз в ту пору, когда мысли об одноклассницах начали его возбуждать. А потом он познакомился с Джеффом Избеллом. Если Билл только начал узнавать, что значит быть крутым, и искал способ когда-нибудь самому стать таким, то Джефф, похоже, крутым родился. Он был на три месяца младше Билла, у него был большой нос и скуластое лицо, как у Ронни Вуда или Джонни Сандерса, и он был худой, как настоящая рок-звезда, особенно как его собственный кумир Джо Перри, гитарист Aerosmith. Джеффу нравилась меланхоличная музыка Rolling Stones и Aerosmith, их непринужденный и небрежный стиль, как у наемных убийц, которые только что избежали

виселицы. Именно этот стиль станет его собственным, когда он возьмется за гитару.

Когда они только познакомились с Биллом, то обнаружили, что у них много общих интересов в музыке: например, ELO, Дэвид Боуи и другие британские группы, чью музыку нечасто крутят по радио в Штатах, — Nazareth и Thin Lizzy. И еще AC/DC. А, нет, они же из Австралии? Круто... Джефф родился во Флориде, но перед тем, как он пошел в школу, его отец, в чьих жилах текла кровь коренных американцев, решил перебраться с семьей в пригород Лафайета, а в семидесятых это означало, что на 15 километров вокруг не было ни одного соседа и всюду только проселочные дороги, — словом, как позже выразился Иззи, они жили «у черта на куличках». Вскоре мать с отцом разошлись, и Джефф с матерью и братом Джо переехали в город, где была хоть какая-то социальная жизнь. Бабушка поощряла музыкальные устремления внука и на тринадцатый день рождения подарила ему барабанную установку. Джефф был барабанщиком от Бога, и у него были музыкальные корни. У его лучшего друга был старший брат, который тусовался с шайкой хулиганов. Они устраивали вечеринки на старой ферме, и, когда напивались, то просили тощего носатого парнишку сыграть им на барабанах. «Для меня это был настоящий адреналин, — вспоминал Иззи. — Вся остальная моя жизнь была абсолютно скучна».

Подросток боролся со скукой, убегая в мир музыки и разучивая финты на скейтборде. А еще начал отращивать волосы. Джефф чувствовал, что ему уготованы судьба музыканта и жизнь далеко-далеко от Лафайета. Как-то в девятом классе он шел по школьному коридору, когда «услышал, как книги падают на пол, затем крики, а потом этот парень пронесся мимо. И за ним гналась толпа сраных учителей...».

В следующий раз он увидел Билла Бэйли, когда они оказались за одной партой на уроках вождения, и между ними завязалась дружба. Джефф играл то в одной, то в другой

школьной группе, у которых даже не было названия, и ему показалось, что из его нового безбашенного друга выйдет неплохой фронтмен. «Я подумал, что раз этот парень абсолютно чокнутый, то из него получится офигенный вокалист, — признался он много лет спустя. — Нам пришлось его немного поуламывать, [и] сначала дела шли не очень хорошо. Иногда он просто приходил и стоял как вкопанный, как будто ему стыдно. Или начинал петь, а потом уходил. Просто уходил, а потом я не видел его, например, три дня! Некоторые вещи не меняются, да?»

Джефф все понимал. Он, возможно, не был таким же одаренным, как Билл, зато очень хорошо разбирался в людях и с раннего возраста мог поставить себя на место другого человека. Когда мы беседовали с ним спустя десять лет после ухода из Guns N' Roses, его школьные воспоминания помогли мне лучше понять личность взрослого Эксла: «У него были длинные рыжие волосы, он был маленьким, и в нем было полно дерьма. Я думаю, что в школе он даже ни разу не трахался. Мне не нравится поднимать эту тему, потому что становится противно. Но в школе у Эксла не было телки. А теперь этот парень — чертова рок-звезда, девочки выстраиваются перед ним в очередь, у него есть деньги, и люди любят его... и к нему пришла власть. Но раньше он был просто не от мира сего! Чокнутый! Сумасшедший!»

Со временем все придет. Однако первыми, в середине семидесятых, на Билла стали обращать внимание не рок-фанаты, а полицейские Лафайета. Ему было 15 лет, и «так как я был умнее всех, копы считали, что я и есть заводила». Записи о его обвинениях в подростковом возрасте остались в закрытых архивах, но до 18 лет его арестовывали по меньшей мере четыре раза, однажды даже на собственном заднем дворе. В 16 лет парень начал пить, употреблять наркотики и курить травку, когда ему удавалось ее достать. К тому времени, когда Билл Бэйли узнал правду о своем отце,

он уже не просто шел по кривой дорожке, а давно катился по наклонной. Как-то роясь в старых бумагах в ящике, он обнаружил, что в школьном аттестате матери стоит фамилия Роуз, а не девичья Линтнер. Билл продолжил поиски и нашел страховку, в которой он сам тоже был записан как Роуз. Когда в тот вечер он решил поговорить об этом с родителями, то узнал часть правды: ему сказали, что его настоящий отец причинил боль матери и исчез — никто не знает куда, и что не так это и важно. «Твой настоящий отец тебя не воспитывал», — заявил ему Стивен, когда Билл потребовал рассказать больше. Подросток был в уязвимом возрасте, и это внезапное открытие поразило его до глубины души, пошатнув самосознание. Вдруг те странные сны, которые снились ему в детстве о маме и каком-то мужчине, обрели смысл. Вероятно, испытал облегчение от того, что тиран Стивен Бэйли не его настоящий отец, Билл сразу же сменил имя, хотя пока и неофициально, на У. Роуза. Но он не захотел брать полное имя своего отца — Уильям, — ведь тот бросил его совсем малышом и, возможно, даже издевался над крохой. Однако поведение Билла ухудшилось. Перепады настроения стали настолько сильными, что психолог диагностировал ему перемежающийся психоз, успеваемость упала до нуля, а затем подросток и вовсе бросил школу. На работу он устроиться не мог, потому что во всех магазинах в торговом центре считался карманником. Полицейские «выбивали из него дурь и пытались выжить из города, а Стивен Бэйли в конце концов выставил Билла из семейного дома под нелепым предлогом «слишком длинных волос». Парень переехал к бабушке и стал тусоваться в парке Колумбиан прямо за бабушкиным домом вместе с Иззи и его друзьями. Компанию составляли Дэвид Лэнк, с которым они скоро вместе отправятся в Лос-Анджелес, Майк Стэггс — еще один местный музыкант, который вскоре тоже поедет на запад, Моника и Дана Грегори, Анна Хун, чей младший брат Шэннон прославится в составе группы

Blind Melon. Здесь же Эксл познакомился с Джиной Сайлер, ей исполнилось семнадцать, а ему двадцать, и она стала его первой девушкой.

Друзья замечали, что в нем словно уживаются две разные личности. Моника вспоминала, как замечательно Билл играл на пианино. Дана говорила о «сильной энергетике» — достаточно отрицательной, чтобы заработать предупреждения от местной полиции. Джефф видел обе его стороны: «Ему и правда чертовски нравилось драться и что-нибудь разрушать. Кто-нибудь не так на него посмотрел, и он уже лезет в драку. Если бы не группа, мне даже страшно представить, чем бы он занимался».

Биллу нужно было давать выход эмоциям. В 1981 году Джефф переехал в Лос-Анджелес и взял себе новое имя — Иззи. А Билл поехал за ним год спустя, причем первые несколько поездок привели его в ужас и быстро закончились — город казался слишком большим и враждебным, но, так как в Лафайете его ничего не держало, да еще и грозило тюремное заключение, то в декабре 1982 года парень переехал в Лос-Анджелес уже навсегда, прихватив с собой Джину Сайлер. Новую жизнь стоило начать под новым именем, так и появился У. Эксл Роуз. Как Билл объяснял позже, он выбрал «У. Роуз, потому что Уильям Роуз был ублюдком».

Многие заметили, что «AxI Rose» — это анаграмма словосочетания «oral sex»¹, но на самом деле A.X.I. — название одной из групп Даны, в которую очень хотел попасть Билл, и поэтому просто присвоил эти буквы себе. «У меня была маленькая квартирка в Хантингтон-Бич, — вспоминал Иззи, — и Билл часто заходил и падал спать на пол. Он все время приезжал и терялся в городе. Затем, в конце 82-го, начал встречаться с этой девушкой и снял свою квартиру. Тогда Билл и остался здесь навсегда...»

¹ Oral sex (англ.) — оральный секс (прим. пер.).

А Сол Хадсон и Стивен Адлер, которых тогда еще не знали ни Эксл, ни Иззи, уже ждали их здесь. После переезда из угрюмого района Сток-он-Трента, родного города его отца Тони, Сол рос в районе-анклаве Лорел Каньон в доме на Лукаут-Маунтин-роуд. Оставив в прошлом скудные пейзажи Сток-он-Трента, где угледобывающая промышленность оставила свой след в виде груд шлака, портивших линию горизонта, юный Сол оказался в раю для хиппи и рокеров, где правили Джим Моррисон, Фрэнк Заппа, Джони Митчел и Кросби, Стиллс и Нэш (и Янг). В те пропахшие ладаном деньки деревянная хижина в Каньоне была всем, о чем любая молодая пара могла только мечтать. К тому времени, как Слэш приехал сюда в 1970 году, заросшая полудикая местность преобразилась стараниями музыкантов, которые искали дешевое жилье, в котором можно было бы тусоваться и ловить кайф, исполнять свою музыку под деревьями с райскими птицами в зарослях перца и сосен и называть себя поколением любви. Здесь Барри Фридман, исполнительный продюсер «Elektra Records», звонил своим соседям и просил их одновременно поставить иглу на новую пластинку Rolling Stones, чтобы на весь Каньон гремела их музыка.

Это были детство и жизнь, которой, возможно, жаждал и Эксл, — босоногая свобода, раскованность и творчество, дом, в котором много музыки, наркоты и ярких персонажей. Отец Сола — Тони Хадсон, амбициозный молодой художник, познакомился с Олой Оливер — афроамериканкой и дизайнером одежды, в Париже. Вскоре после рождения Сола Ола оставила семью в Стоке и вернулась в Лос-Анджелес, чтобы обосноваться там. Когда к ней приехали муж с сыном — а вскоре подрос и Эш, младший брат Сола — Сол уже осваивал этот новый для него мир. «Мое первое воспоминание о Лос-Анджелесе — это песня Light My Fire группы Doors, которая гремела из родительского проигрывателя весь день напролет», — позднее вспоминал он. Одной из нянек Сола

был продюсер Дэвид Геффен, с влиятельным брендом которого Guns N' Roses однажды подпишут контракт. Тони рисовал обложку альбома «Court and Spark» певицы Джони Митчелл, которая жила по соседству и взяла несколько детских рисунков Сола с изображениями животных для иллюстрации своего сборника стихов. Дизайнерское дело Олы пошло в гору, и она работала с Джони, Дэвидом Боуи периода Изможденного Белого Герцога, а затем с Ринго Старром и Карли Саймон. Дела шли настолько хорошо, что семья переехала ниже по склону в шикарную квартиру на Дохени-драйв недалеко от бульвара Сансет, где Сол познакомился со всеми, от Дайаны Росс и Стиви Уандера до Джона Леннона и Билла Косби. Ола брала Сола с собой на концерты в клубе «Troubadour» и на теле- и киноплощадки, где она работала, и он ощущал настоящее волшебство, особенно когда видел сцену с блестящими музыкальными инструментами, готовыми к шоу.

Сол стал называть себя Слэшем — это прозвище ему дал актер Сеймур Кассел, друг семьи, за то, что он «вечно носился со скоростью света». Когда отношения Тони и Олы начали рушиться, Сол долго гулял со своим отцом. Он узнал о том, что родители расстаются, когда они обедали в бургерной. Несмотря на то, что родители остались друзьями и жили недалеко, Сол признавался, что «единственная опора в его жизни исчезла», и начал подолгу оставаться у бабушки, матери Олы, которую тоже звали Ола. «Мне нужно было самому понять, кто я», — вспоминал он в своих мемуарах, — особенно когда стало ясно, что мать завела короткий, но яркий роман с Боуи, вскоре после того, как тот подписал контракт на роль в фильме «Человек, который упал на Землю», а Олу наняли на должность костюмера. «В душе я остался хорошим мальчиком, — говорил Сол, — но мир увидел проблемного ребенка».

К 12 годам он уже пил, курил и занимался сексом. Парень начал искать новую опору и нашел ее в кругу ребят, с которыми он познакомился в магазине «Spokes and Stuff»

и которые увлекались ездой на велосипедах ВМХ, внезапно ставших невероятно популярными. «Мы все, кроме двух братьев, были из неполных или трудных семей», — вспоминал Сол. Они объездили все окрестности — Лорел Каньон, Калвер-сити, ранчо Ла-Брея — и особенно территорию начальной школы Laurel Elementary, где вечерами зависали на площадке и курили травку. В течение года у Сола появилась еще одна дурная привычка — клептомания, и он воровал книги, комиксы, кассеты, художественные принадлежности... Пока все не закончилось неловкой ситуацией, когда его поймали в отеле «Tower» на бульваре Сансет с полными карманами записей, которые выложили на стол перед его матерью, приехавшей забрать сына. «Она почти ничего не сказала, да это было и не нужно, — вспоминал он. — Она была уверена, что я не мог сделать ничего плохого...»

В этот беспокойный период Сол завел двух важных друзей, первым из которых был Марк Кантер, чьей семье принадлежал знаменитый ресторан «Canter's Deli» в Западном Голливуде. Кантер очень помог Guns N' Roses на заре их карьеры: часто платил за рекламные листовки и покупал новые гитарные струны, когда парням не хватало денег. Вторым был грубоватый белобрысый паренек по имени Стивен Адлер, который однажды вечером явился на школьную площадку Laurel Elementary, а потом оказался в одном классе с Солом в старшей школе Bancroft Junior. По словам Сола, они «сразу стали неразлучны» и вскоре уже вдвоем нюхали «раздевалку» — дешевую форму амилнитрита — перед уроками, а потом прогуливали школу и курили дурь, шатаясь по улицам Голливуда и бредя о музыке, о том, как собрать группу и заработать денег.

Стивен был пареньком из долины, который приехал в Калифорнию из Кливленда в возрасте семи лет со своей матерью Дианной и старшим братом Кенни. Его биологическим отцом был итальянский «гангстер-неудачник» Майк Колетти, который,

по католической традиции, назвал Кенни Джозефом в честь своего отца, а Стивена Майклом в свою честь. Когда Дианна ушла от Майка, то переехала с детьми к своей матери Лилли, которая настояла на том, чтобы, по еврейской традиции, детей не называли в честь живых членов семьи, — и так Майкл стал Стивеном, а Джозеф стал Кенни. Несмотря на то, что известный своей беспечностью юный Стивен быстро отошел от потрясений, это был тревожный период в его жизни, который оставил глубокие эмоциональные раны.

Вскоре, по его собственным словам, он превратился в «сумасшедшего, дикого, чокнутого парня», который совершенно вышел из-под контроля. Когда крошечные квартирки и кусачие зимние ветра Кливленда осточертели, Дианна отправилась на запад — к своей старшей сестре в Южную Калифорнию. Жизненный путь Стивен выбрал в 12 лет, когда они с матерью ездили в парк аттракционов «Magic Mountain»: там выступали Kiss, и их концерт произвел на него неизгладимое впечатление. Дианна вспоминала разговор со Стивеном в машине по пути домой: «Мама, — сказал он. — Когда я вырасту, я хочу быть рок-звездой». Я ответила: «Очень мило, Стиви...» И подумала, что на этом все и закончится...»

Но в глубине души Стивен знал, что это вовсе не «мило», и скоро уже убеждал в этом своего нового друга Сола. «Мы прогуливали школу почти каждый день, — вспоминал он. — Ходили взад-вперед по бульвару Сансет и другим бульварам Голливуда, каждый день брали какой-нибудь новый вид алкоголя и ходили туда-сюда, туда-сюда, представляя себе, какой будет наша жизнь, когда мы станем рок-звездами. Я будто всегда знал, что эта мечта сбудется. Мы встречались с девчонками — на самом деле с женщинами старше нас, — которые приглашали к себе домой в Беверли-Хиллз. Они угощали нас алкоголем, коксом и кормили, а за это нам всего лишь нужно было их трахать. Иногда меня цеплял какой-нибудь парень. За минет я получал немного дури и тридцать-сорок баксов.

У Адлера был более неприятный опыт общения с голливудскими педофилами, которые охотились за юной плотью, и в своей автобиографии он признавался, что как-то на бульваре Санта-Моника его сняли двое мужчин, привели к себе в квартиру и издевались над ним... «Они меня не били, зато делали все остальное, и я чувствовал себя очень подавленным».

Но единственное, что было для него важно, — это музыка. Первым, кто наконец дал Солу Хадсону в руки гитару, был именно Стивен. «Я жил в пяти-шести кварталах от бульвара Санта-Моника, так что когда мы были со Слэшем, то всегда заходили ко мне, — рассказывал он. — У меня было две комнаты — гостиная и спальня, — и я всегда спал в гостиной. В спальне у меня была гитара с маленьким усилителем, и я учился на ней играть, а однажды просто показал ее Слэшу. Я знал всего два аккорда и две гаммы, но пытался подыгрывать альбому Kiss «Alive!» — играть аккорды вместе с Эйсом Фрейли! В общем, Слэш просто влюбился в эту гитару. Я дал ее ему, и через неделю Сол уже писал песни. Он был словно создан для гитары. Создан. А я просто хотел быть рок-звездой, но гитара давалась мне слишком тяжело...»

Стивену все давалось слишком тяжело. И проще не стало, когда они со Слэшем познакомились с двумя странными парнями из пригорода с не менее странными именами Иззи и Эксл.

Джина сняла квартиру в Западном Голливуде, а Эксл хранил в ней свои вещи и иногда ночевал, когда не крутился у клубов «Troubadour» и «Starwood» и не наблюдал с завистью, как местные знаменитости Mötley Crüe, Ratt и даже Дэвид Ли Рот заводят толпу ребят, собравшихся здесь. Позднее Эксл утверждал, что никто не разговаривал с ним «два года», но Джина понимала, чем он занимается, даже когда они разошлись, и все больше беспокоилась из-за его вспышек

гнева. «Он был рожден, чтобы стать музыкантом, вот и все», — говорила она. Хаос его жизни скоро стал ей невыносим. Джина съехала, и к Экслу перебрался Иззи. Если Эксл все еще был деревенщиной в ковбойских сапогах и с сумасшедшими глазами, то Иззи уже был в Лос-Анджелесе как свой. Он выглядел как звезда еще до того, как стал ей: черные как смоль волосы, тощие ноги, а когда он играл, гитара висела низко на уровне коленей, как у Кита Ричардса или Джо Перри.

Экслу наконец удалось выступить в клубе «Gazzarri's» с группой Rapidfire, которой никак не удавалось сдвинуть карьеру с мертвой точки. С этого концерта началось медленное движение по цепочке событий, которая соединила участников Guns N' Roses. Когда Rapidfire начали разваливаться, Эксл стал играть с Иззи, а на концерте в свою очередь пытался создать группу с юным гитаристом, который звал себя Трэйси Ганзом. Трэйси был одним из лучших в районе Стрип, ему отлично давался и мелкий стиль Рэнди Роадса, и грязный рок-н-ролл, и у него уже что-то получалось. Он порекомендовал Иззи одному своему школьному товарищу Крису Уэбберу. Крис и Трэйси вместе учились в старшей школе «Fairfax High», где у Трэйси была группа под названием Pyrrhus, а у двух других учеников, Сола Хадсона и Стивена Адлера, — группа под названием Road Crew.

Как-то вечером Иззи и Крис встретились на парковке у клуба «Rainbow» и проговорили несколько часов, а на следующий день уже начали вместе играть. Так в конце 1983 года собрались четверо из пяти будущих участников Guns N' Roses. Потребовалось еще два года на то, чтобы стать единой группой, потому что музыканты то расходились, то собирались снова, чтобы пробовать что-то новое в непринужденной атмосфере района Стрип.

У группы Слэша и Стивена Road Crew было практически одно название. Сначала у Стивена был только набор

кастрюль и сковородок, по которым можно было стучать, а потом бабушка купила ему барабанную установку и старую побитую машину, и тогда они оказались на том же уровне, что и большинство других ребят. А Слэш, с кудрявыми волосами, спадающими на лицо, и с низко висящей гитарой, уже вызывал восхищенные и завистливые взгляды благодаря своим природным способностям. Казалось, что он научился играть в ту же минуту, как впервые гитару взял в руки. Он мог сыграть все что угодно, от гитарной партии Rufus до Rolling Stones, от Стиви Уандера до Led Zeppelin, но как гитарист он, как и Иззи, горячо любил Aerosmith, и это увлечение еще сыграет очень важную роль.

Эксл Роуз показался Иззи и Крису очень серьезным кандидатом, когда продемонстрировал им свой низкий баритон и сокрушительный скрим на материале песен, написанных под впечатлением от альбома Aerosmith «Rock in a Hard Place» 1982 года. Однако дикая непредсказуемость Эксла уже тогда была очевидна. Крис и Иззи даже назвали свою группу A.X.I. в честь него и огромными буквами написали ее название краской на стене в районе Стрип, но он продолжал уходить с репетиций без предупреждения. «Эксл был настолько полон энергии, что дрожал, его просто трясло, когда он выходил петь», — вспоминал Крис.

Но он скоро возвращался. Друзья сменили название группы на Rose, а затем на более атмосферное Hollywood Rose, и к середине 1984 года уже имели демозапись, где в песне «My Way, Your Way» можно услышать зачатки одной из их величайших песен, которая войдет в альбом «Appetite for Destruction» под названием «Anything Goes». Группа отгремела несколько концертов, а потом Иззи ушел в группу London, знаменитую в районе Стрип. В ней был только один постоянный участник в лице великого вокалиста Надира Д'Приста, а остальные приходили и уходили, и в их числе были будущие знаменитости Никки Сикс из Mötley Crüe, Блэки Лолесс

из W.A.S.P., Фред Кори из Cinderella и многие другие. Участие в группе London, несмотря на свою непродолжительность, стало своеобразным обрядом посвящения. Когда же Иззи осознал свою ошибку и ушел оттуда, то обнаружил, что Эксла переманил — или собирался переманить — Трэйси Ганз в свою новую группу LA Guns, но Эксл сдал назад и вновь собрал Rose с Иззи. Жизнь всех этих ново-рожденных групп в Стрипе была похожа на вечную полночь. Никто не задерживался нигде надолго, и все казалось реальным, пока не переставало быть таковым.

Когда Стивен и Слэш узнали, что Трэйси хочет работать с «величайшим вокалистом Голливуда того времени», и увидели листовку концерта в «Troubadour», где Rose находились где-то внизу списка из 12 групп, то они со Слэшем решили к ним присоединиться. Через несколько дней общий приятель Лизи Грей, который сам в то время был гитаристом в группе London, представил Стивена Иззи, а вскоре после этого Эксл выгнал Криса Уэббера, и Стивен договорился, что приведет Слэша на репетицию Rose в скандально известное панк-пространство под названием «Fortress». Они стали играть вместе, но скоро Иззи ушел, а между Слэшем и Экслем завязалась короткая, но крепкая дружба, в результате которой Эксл стал ночевать дома у Олы, пока не найдет новых радушных хозяев.

Группе Hollywood Rose удалось сыграть на нескольких концертах, пока Слэш не ушел после ужасного выступления в клубе «Troubadour», на котором Эксл набросился на парня из толпы. Трэйси Ганзу все же удалось заполучить Роуза в LA Guns. Эксл только усилил свою связь со Слэшем, переспав с его временной подружкой Ивонной, после чего тот явился к другу на работу в «Tower Video» и решил выяснить все по-мужски. Закончилось все тем, что в качестве примирительного жеста Эксл устроил товарища на работу...

Тем временем Слэш проходил прослушивания в несколько новоиспеченных групп, в том числе в группу Poison из Пенсильвании. Они олицетворяли собой стиль глэм, носили высокие прически из осветленных добела волос, ярко красили глаза и, как вспоминал Слэш, первым делом спросили его: «Ты ведь не надеваешь эту обувь на выступления, правда?»

Потом Эксл привел Иззи в LA Guns... Слэш и Стивен вернулись в Road Crew... Слэш перешел из Road Crew в Black Sheep...

В 1985 году в Стрипе только так все и происходило: группы собирались, группы распадались, уходишь из одной и собираешь другую, и где-то на этом пути должно произойти что-то, что откроет перед тобой весь мир, словно ты наконец нашел правильный ключ. По крайней мере, так все себе представляли, болтаясь то там, то сям и делая вид, что знают, что делают. К весне Эксл уже работал с Трэйси Ганзом и барабанщиком Робом Гарднером. Они снова объединились с Иззи, и появилась листовка с надписью: «Только рок-н-ролл — LA Guns и Hollywood Rose представляют группу Guns N' Roses. 26 марта. Клуб «Troubadour» Дуга Уэстона».

На концерте было двенадцать человек, из которых четверо заплатили за вход по 2 доллара.

Тогда они и нашли правильный ключ. Его звали Майкл Маккаган, хотя с детства в семье, где он был последним из восьми детей, его называли Дафф. В сентябре 1984 года Дафф приехал в Лос-Анджелес на своем древнем «Форде Маверике» из родного Сиэтла, проведя несколько дней в какой-то убогой панковской лачуге в Сан-Франциско. Ему было 20 лет, и, по его подсчетам, он уже успел сыграть в 31 группе. Майкл оставил позади свое неясное детство и юность: сначала счастливую суету жизни в большой семье работяг, где отец, бывший намного старше отцов его сверстников, был ветераном Второй мировой войны, пожарным и местным героем. Но однажды, когда Дафф вернулся из школы, когда его мать была

на занятиях в местном колледже, и, застав своего старика в постели с соседкой, испытал боль из-за разрыва отношений родителей.

Парень начал страдать от приступов паники, которые лечил алкоголем, а затем и наркотиками, но нашел утешение на самодельной панковской сцене Сиэтла. Дафф умел играть на всех инструментах — на барабанах, на гитаре, на басу, — а если ему не удавалось играть, он был счастлив таскать и подключать оборудование или заниматься чем угодно, лишь бы не возвращаться домой. Он умел улыбаться так же, как его кумир Сид Вишес — с подвернутой губой, в стиле Элвиса, — и носил цепь от висячего замка на шее. В 15 лет парень собрал свою первую группу The Vains, где играл на басу, а год спустя группа выпустила один сингл под названием «School Jerks». В это же время Дафф играл на гитаре в другой панк-группе, The Living, которая однажды выступала на разогреве у Hüsker Dü. В том же году он был барабанщиком в группе The Fastbacks, которая в 1981 году выпустила сингл «It's Your Birthday». Потом парень играл в группе с очаровательным названием The Fartz¹, которые делали только демозаписи, пока Дафф не стал знаменит и кто-то не решил выпустить им альбом.

The Fartz переименовались в 10 Minute Warning, и только тогда достигли хоть как-то измеримого панковского бессмертия. Дафф снова стал гитаристом. По крайней мере, 10 Minute Warning были не похожи на других — они играли панк, но медленнее, тяжелее, жестче, и прокладывали путь таким догранжевым группам, как Green River и Soundgarden. Позднее Дафф заявил, что если бы он знал, что в девяностые в Сиэтле произойдет настоящая музыкальная революция, то он бы никогда не уехал из города. Но это неправда. Дафф был высоким, симпатичным, светловолосым и старался весело

¹ The Fartz (англ.) — «Пердуны» (прим. пер.).

проводить время. А еще он любил красиво одеваться. У него было столько же общего с Куртом Кобейном и иже с ним, сколько у бриллиантов с ржавчиной.

В Лос-Анджелесе Дафф поселился у брата, нашел работу помощника в стейк-хаусе «Black Angus» и начал пробиваться на сцену. Здесь все было масштабнее, чем в Сиэтле, потому что сам Лос-Анджелес гораздо больше, но работало по тем же законам. Почти все, с кем парень знакомился, оказывались гитаристами, так что он решил, что легче получит место в группе, если будет играть на басу. И, чувствуя нутром, что панк уже умер, а в Стрипе царит новое рок-н-рольное движение, которое подхватит его и унесет с собой, он взял местную музыкальную газету «The Recycler» и ответил на объявление.

«Около телефонного номера стояло имя Слэш, и я решил, что он такой же панк-рокер, как я», — вспоминал Дафф. Они встретились в ресторане «Canter's Deli», Дафф пришел в кожаном пальто в пол с символом анархии на спине, который сам нарисовал маркером, а Слэш и Стивен были с длинными распущенными волосами и прихватили с собой девчонок. Потом они оказались дома у матери Слэша, которая сразу же приняла Даффа как сына, и за неделю они если не сыгрались, то сдружились, и вместе пошли на концерт LA Guns в «Troubadour». Но Даффа беспокоила игра Стивена — как единственного из них всех, у кого были настоящие записи и кто умел играть и на гитаре, и на ударных, — так что они пожали друг другу руки и пошли каждый своей дорогой, зато у Даффа остался телефон Слэша.

Когда Даффа уволили из «Black Angus», он нашел работу курьера, и однажды, развозя заказы, наткнулся на Иззи, а тот рассказал о своей новой группе, которая образовалась при слиянии LA Guns и еще одной группы с очень хорошим, но немного повернутым на голову вокалистом. Как выяснилось, они как раз потеряли басиста, и... Эй, а ты, случайно,

не играешь на бас-гитаре? Так и получилось, что Дафф оказался на репетиции Guns N' Roses. Эксл сразу же очаровал его своей безудержной энергией, и как только Дафф услышал, как этот парень поет в микрофон, то «понял, что он не похож на других, он мощный и чертовски серьезный...»

Они сыграли несколько концертов, и, хотя все прошло неплохо, у Даффа возникло чувство, что Трэйси и Робу нравилось быть важными шишками в маленьком болоте — они снова и снова играли одни и те же концерты в Западном Голливуде, ожидая, что что-то изменится. Это было не по-панковски. В Сиэтле, где на концертах не было важных парней из крупных лейблов, люди не ждали чудес, потому что чудеса не случались, так что Дафф отвел Эксла и Иззи в сторонку и предложил поехать на гастроли, дать несколько концертов на Западном побережье и завершить поездку в Сиэтле. Он объяснил им, что это будет настоящее приключение, которое поможет узнать, пойдут ли их дела в гору, если они откажутся от тепличных условий Лос-Анджелеса.

«Я сразу понял, что Иззи знает, чего я добиваюсь, — рассказывал Дафф. — Он знал, что это хороший способ проверить группу на прочность и найти слабые звенья». И они их нашли. Трэйси и Роб ушли за десять дней до гастролей. Как показалось Даффу, они испугались, что придется сесть в машину, поехать на концерт и надеяться, что еда, ночлег, деньги на бензин и т. д. образуются сами собой. Он нашел у себя в кармане листок с телефонным номером и позвонил тому парню, Слэшу. «Не волнуйтесь, — сообщил он Экслу и Иззи, — у меня есть кое-кто на примете».

Ключ вошел в замок и повернулся. Слэш и Стивен провели три репетиции с Экслем, Иззи и Даффом, 6 июня сыграли один плохо организованный концерт в «Tribadour», числясь где-то внизу списка выступающих, и после него группа Guns N' Roses была готова отправиться на гастроли. У них была пара друзей, Дэнни и Джо-Джо, назначенных помощниками,

и машина Дэнни, дребезжащий «Бьюик Ле Сабр» с трейлером в прицепе.

«Бьюик» сломался через 150 километров пути. Дэнни и Джо-Джо поручили остаться с машиной, а музыканты, которые скоро станут одной из величайших групп в мире, отправились дальше автостопом. Все пошло наперекосяк. Они пропустили все три концерта, о которых договорились в городах между Лос-Анджелесом и Сиэтлом, но каким-то образом добрались, довольные, голодные и вонючие, до «Gorilla Gardens», где дали свой первый концерт за пределами Лос-Анджелеса. Набралось едва ли десять зрителей, но это уже не имело значения. Там было бухло, наркота и друзья-панки Даффа, с которыми можно было зависнуть, но, что еще более важно — у них получилось! Они были вместе, несмотря на сотни километров пути в грузовиках, ночевки на обочине, голод, холод, усталость, нервы и то, что к концу путешествия выглядели, по точному выражению Даффа, «как голодные волки». Но теперь друзья были настоящей группой.

Когда промоутер в «Gorilla Gardens» решил не платить им обещанные 200 долларов, потому что «не продали ни одного билета», Экл поджег бумажные полотенца и решил спалить весь клуб. Вышибалы погнались за парнями по улице, а они побежали, вопя от радости и адреналина, в другой клуб, где безуспешно пытались реквизировать инструменты местной группы Soundgarden, которая там выступала и которую знал Дафф. Им это не удалось, зато Доннер, друг Даффа, помог добраться обратно до Лос-Анджелеса, и они вернулись счастливые. Как сказал Дафф, они стали «настоящей группой. Группой с общими воспоминаниями о неудачной поездке, о концерте в чужом городе и с осознанием того, что они верны коллективу Guns N' Roses».

2

Там, где красивые девушки

Хотя «адские гастроли» в Сиэтле, как парни их называли, организовал Дафф Маккаган, но, когда они вернулись в Лос-Анджелес, было ясно одно: без Трэйси Ганза у группы был явный лидер, и им был У. Эксл Роуз. «Эксл всегда представлял, где хочет оказаться, — говорил мне Слэш. — И какой должна быть группа. Ему не нравились люди, которые, как ему казалось, тянут его назад».

Когда Трэйси ушел, а остальные участники группы не решились бросить вызов парню, настолько уверенному в себе, Эксл с готовностью взял на себя лидерство. Конечно, Дафф тоже был полон решимости двигаться вперед; как и Эксл, он настаивал на регулярных репетициях и на том, что нужно как можно скорее организовать новые гастроли, но в вопросах творчества он всегда уступал вокалисту. Слэш и Иззи, которые были больше вовлечены в процесс написания песен, относились к этому делу слишком небрежно (и все больше уставали), так что часто оставляли это Экслу, и все получалось как надо. И они оба были перед ним в долгу: Эксл считал, что они с Иззи работают в паре, даже когда Слэш настаивал на том, что в группе должен быть один гитарист, а Слэш, в свою очередь, уже однажды потерял Эксла и не мог себе позволить потерять его снова. Видимо, только Стивен мог говорить с Экслем прямо, но в то время Стивену вообще все было по барабану.

Во всяком случае, за историю рок-музыки примеров успешных групп с одним явным лидером предостаточно: Rolling Stones и Джagger, Beatles и Джон Леннон, — и других. Иногда, как в случае с группой Metallica, лидер по вопросам бизнеса (барабанщик Ларс Ульрих) и лидер по части музыки (вокалист-гитарист Джеймс Хэтфилд) были совершенно разными, но прекрасно дополняли друг друга. По мере развития Guns N' Roses У. Экл Роуз взял на себя обе эти обязанности. Однако его отчаянная потребность все контролировать была совсем иного порядка, чем у большинства лидеров-маньяков. Годы спустя Экл говорил о глубоких душевных ранах, которые остались у него с детства, и своих попытках с помощью различных видов терапии залечить эти раны, насколько это возможно. Сейчас же другие участники Guns N' Roses знали его как крутого парня, который не потерпит неуважительного отношения к себе. Ни от кого. Даже от них. Скоро музыканты поймут, что им стоит лояльно относиться к внезапным неконтролируемым переменам настроения у своего фронтмена, — по крайней мере, если они хотят работать в сносной обстановке и мечтают о легкой жизни рок-звезд. «Мы называем его Аятоллой, — рассказал мне Слэш при первой встрече, и все его лицо улыбалось, за исключением глаз. — С Эклом всегда было так: либо ты с ним соглашаешься, либо проваливай».

После адских гастролей наступил период жизни в «адском доме». И, как и при рождении новой звезды, адский дом засосал много темной материи, пока не начал выделять белый жар и свет группы Guns N' Roses, готовившейся сделать первые записи. Рождение легенд рок-н-ролла всегда дополняют бурно приукрашенные байки, но в адском доме происходило нечто ужасное — рассказы об этом не лучшим образом отразятся на участниках, независимо от того, насколько знаменитыми они станут. Здание было расположено в Западном Голливуде, за домом 7508 по бульвару

Сансет, рядом с пересечением с Норт-Гарднер-стрит, и в нем было помещение размером 3,5 × 3,5 м, которое официально считалось «кладовкой» (сейчас она находится за русским книжным магазином). Прямо через дорогу находился магазин гитар, а рядом магазин усилителей. Это было нежилое помещение: там была алюминиевая подъемная дверь, но не было ни санузла, ни кухни, ни вентиляции. И пока Иззи с парой друзей не нашли несколько ненужных досок и не соорудили импровизированную пристройку, где можно улечься спать втроем, если лежать неподвижно, то оно таковым и оставалось.

Когда кому-нибудь нужно было в туалет, то приходилось пользоваться общественными удобствами в 50 метрах по улице. Это было ужасное место, если только ты не молод, гол как сокол и не живешь гребаной мечтой. Иззи называл это место «долбаным адом на земле...» Слэш, который потерял работу продавца в киоске и вместе с ней возможность ночевать дома у менеджера, вынужден был выбирать — жить в адском доме или стать бездомным, но даже после этого иногда предпочитал быть бездомным и спал на парковке у «Tower Records», а не в убогом тесном кошмаре, которым стал дом.

Сначала он был репетиционной базой. До этого друзья занимали комнату в районе Сильвер Лейк, принадлежавшую Ники Биту, барабанщику из Стрипа, который примерно десять минут играл в LA Guns. «Сам Ники был еще ничего, — вспоминал Слэш. — Но у него было много бомжеватых друзей...» Guns N' Roses общались с этим «подбрюшьем», как их называл Слэш, и некоторые из них ночевали в адском доме. Их жизнь была ужасна и становилась все хуже, но все это только подстегивало. В адском доме парни написали и улучшили многие из песен, которые появятся в альбоме «Appetite for Destruction», и несколько песен для альбома «Use Your Illusion». Иззи сочинил риффы для «Think About You» и «Out

ta Get Me»; Слэш — вступительные аккорды и рифф для «Welcome to the Jungle». «Эта песня, если что, — объяснял Слэш, — первая мелодия, которую мы написали вместе как группа...»

Дафф и Стивен много часов подряд играли разный рок и фанк, оттачивая свое мастерство, и мелодия песни «Rocket Queen» родилась на одной из таких затянувшихся репетиций. Они писали очень быстро — песни «Out ta Get Me» и «Welcome to the Jungle» были готовы чуть больше чем за день. Когда они возвращались в адский дом, суровая рабочая этика никуда не девалась. «Мы репетировали долгие, долгие часы», — вспоминал Дафф. В маленькой комнатке с бетонными стенами, с включенными усилителями, «наша паршивая игра звучала волшебно, чисто и громко».

У друзей не было микрофона, а играли они так громко, что Экслу приходилось кричать слова песен и вокальные мелодии прямо на ухо музыкантам, чтобы донести до них свою мысль. Эксл и Слэш первыми поселились в этом гараже. Иззи, Дафф и Стивен жили со своими девушками, но большую часть дня проводили там же на репетициях. Когда группа зарекомендовала себя как один из лучших новых ансамблей в Стрипе, то остальные музыканты тоже переехали в адский дом. С ними был Уэст Аркин, музыкант и сосед Даффа, который был из того же теста, что и ребята, и настолько тесно общался с Экслем, что даже стал соавтором песен «Yesterdays», «The Garden» и «Bad Obsession», а также «It's So Easy»; Дель Джеймс, байкер, который стал писателем и был приятелем Уэста, общался с Экслем и писал рассказы, из которых получались тексты песен и многое другое, например, видео на песню «November Rain»; Тодд Крю, который играл на басу в другой группе из Стрипа под названием Jetboy; Роберт Джон, фотограф и друг Эксла, в чьих работах отражены ранние годы группы; Джейк Лью, еще один фотограф, который дружил со Слэшем; друзья

Слэша Марк Мэнфилд и Рон Шнайдер; Эдди, приятель Даффа из Сиэтла, который покусился на героин Иззи, за что был изгнан обратно в штат Вашингтон; Марк Кантер, который верил в группу и сыграл ключевую, пусть и недооцененную, роль в их карьере в эпоху адского дома; Викки Гамильтон, промоутер и будущий менеджер, у которой было чутье на настоящие таланты — она организовывала первые концерты Mötley Crüe и Poison — и благодаря которой они получали заветные выступления на концертах в клубе «Troubadour», пока им самим удавалось играть только в «Madam Wongs» (китайском ресторане) и «Stardust Ballroom» (в нескольких километрах от Западного Голливуда). А еще была бесконечная череда других групп, которые познакомились с Guns N' Roses, когда те наделали много шума на бульваре Сансет (в буквальном смысле — их репетиции было слышно за десять кварталов), — отбросы музыкального общества вроде Faster Pussycat, Redd Kross, London, Jetboy и многие другие, за которыми вилась стайка девушек, которым нравятся музыканты, а за ними парни, которым нравятся девушки, которым нравятся музыканты, — и все они были посетителями адского дома и дешевого мрачного мексиканского ресторана на противоположной стороне бульвара Сансет под названием «El Compadre» и стрип-клуба «Seventh Veil», где музыканты так сдружились с девушками, что приглашали их вместе выступить на сцене.

Сама обстановка подпитывала творчество и рождала новые песни: как-то вся группа пришла в гости к Лиззи Грею, который жил на Палм-авеню — улице с дурной славой — между бульварами Сансет и Санта-Моника (Слэш: «Там жили какие-то неопрятные телки и наркоманки...»), и Лиззи угостил их бутылкой дешевого крепленого вина под названием «Night Train»¹ — страшный самогон, который был известен тем, что

¹ Night Train (англ.) — Ночной поезд (прим. пер.).

очень быстро дает по мозгам тем, у кого нет денег ни на что другое. Они шли по Палм-авеню и начали выкрикивать слова: «Я еду ночным поездом», а Эксл стал импровизировать. На следующее утро в адском доме были написаны слова и музыка к этой песне.

Одним из завсегдадаев адского дома был школьный приятель Слэша — Марк Кантер, который вспоминал, как группа работала над этим материалом: «Многие песни начинались с идеи Иззи, например, «My Michelle», — зловещее вступление к этой песне придумал именно он, но без Слэша не было бы более жесткого риффа, который следует за вступлением. Эксл слышал эти незаконченные песни и сразу точно знал, что с ними делать дальше. Даффу и Стивену удавалось сделать так, чтобы песни по-настоящему цепляли, и воплотить в них свои лучшие идеи. Многие говорили, что вклад Эксла важнее всех, [но] если хоть одного из ребят исключить из формулы, это бы кардинально изменило все песни. У них была настоящая демократия, и в 1985–1986 годах они все были заодно».

Все стихи рождались из реальных ситуаций с реальными людьми. «My Michelle» названа в честь Мишель Янг, которая училась в одной школе со Слэшем и Стивеном и дружила с первой серьезной пассией Слэша — Мелиссой. У Мишель была кратковременная связь с Экслем, который увековечил ее юность в суровом куплете: «Твой папа работает в порно, / А мамы больше нет, / Она любила героин, / А теперь лежит в земле».

Что забавно, идея этой песни пришла в голову самой Мишель, которая однажды, когда они вместе слушали «Your Song» Элтона Джона, сказала Экслу, что было бы чудесно, если бы кто-то написал о ней песню. «Кажется, мы тогда ехали на концерт, — вспоминала она в 2014 году, — и заиграла «Your Song», и я воскликнула: «Ой, какая замечательная песня! Вот бы кто-нибудь написал такую же обо мне». И вот — «моя песня» появилась», — смеялась она.

Конечно, когда Мишель впервые услышала слова, как она сама признавалась, ей было совсем не смешно. «Я услышала ее, когда была дома у отца. Я была в своей спальне, когда позвонил Эклс. Он все время звонил, когда появлялось что-то свежее. Пел мне в трубку новую песню, как только ее сочинял, отстукивая ударную партию на коленке, и спрашивал, что я о ней думаю. — На этот раз она не знала, что сказать. — Тогда я была не в себе, все время была под кайфом, и когда услышала слова, то ответила: «О, здорово, классно... делай что хочешь». — Она снова рассмеялась и добавила: — Честно говоря, тогда я не думала, что альбом станет настолько популярен и что эта песня вообще попадет в альбом».

По словам Слэша из его мемуаров: «Мишель понравилась, что песня привлекла к ней внимание. Тогда это было лучшее, что с ней когда-либо случилось. Но, как и многие наши друзья, вступившие в темный круг Guns N' Roses, она вошла с одной стороны, а вышла с другой. Большинство из них оказались в тюрьме или реабилитационной клинике (или еще где похуже)». Однако, по словам Мишель, «выход песни стал не благословением, а проклятием».

Причины безнравственного поведения в адском доме были экономические. Арендная плата составляла 400 долларов в месяц. Учитывая, что из ребят только Дафф работал более или менее постоянно, они научились выживать, не имея ничего. «Нам обычно удавалось наскрести доллар на бутылку «Ночного поезда», от которой всех уносило, — рассказывал Дафф. — За 5 долларов мы уходили в говно». Слэш где-то раздобыл переносной гриль, на котором они жарили котлеты. По субботам вместе с остальными голливудскими отбросами друзья выстраивались в очередь в бесплатную столовую миссии Армии спасения. Еще они обнаружили шведский стол «все, что вы сможете съесть за 1 доллар» в известном голливудском гей-клубе «Rage». «Мы пытались

прожить на 3 доллара 75 центов в день, — рассказал мне Эклс в одном из первых интервью. — Этого хватало на подливку и печенье в столовой «Denny's» за доллар с четвертью и бутылку «Ночного поезда» за доллар с четвертью или похожее пойло «Thunderbird». И все. Ты выжил».

По крайней мере пока... Как только стало известно, что аллея за адским домом пустеет по ночам и превращается в крошечную черную дыру в самом сердце Голливуда, на ней стал собираться народ после того, как клубы закрывались на ночь. «На аллее мы тусовались с другими музыкантами, и туда стали стекаться наркотики, выпивка и девочки. Часто приходили местные стриптизерши и приносили метаквалон, валиум, кокс и бухло на всех», — вспоминал Дафф. Скоро с позднего вечера и до рассвета там уже тусовались сотни людей. Наши музыканты, воспользовавшись преимуществом хозяев, начали покупать дешевое пиво и продавать его там дороже. Вскоре они зарабатывали достаточно, чтобы платить арендную плату за месяц.

Некоторых женщин безжалостно эксплуатировали. Если один из музыкантов занимался с девушкой сексом, то другой в это время крал у нее деньги. «Секс был повсюду, и в помещении, и на улице», — рассказывал Эклс. «Обычно я трахал девиц только для того, чтобы у них переночевать», — признавался Слэш. «Мы продавали девочек, — продолжал Иззи. — А если кто-то из ребят трахался в нашей ночлежке, то мы в это время опустошали сумочку этой девчонки. Как-то ухитрялись».

«Мы уговаривали девушек подняться к нам на чердак, — рассказывал Эклс. — И кто-нибудь ударял по выключателю и говорил: «Так! Всем раздеться или покинуть помещение...»

На сцену вышел героин, или «Mr Brownstone», который преподал Эклу один из важных уроков о том, как жить не надо, и вот-вот должен был привести к расколу группы.

Иззи не только принимал его, но и открыто распространял, обеспечив себе еще один источник дохода. Он утверждал, что однажды к нему за дозой пришел Джо Перри, как раз перед тем, как завязал и у Aerosmith начался новый коммерческий подъем. Слэш заметил, что Стивен «выглядит как пьяный», когда приходит на репетиции, хотя он не пил. Оказалось, что девушка с Гарднер-стрит, с которой он спал, и ее соседка подсадили Стивена на героин, и как только Слэш начал встречаться с этой соседкой, то тоже подсел. Вдобавок к героину, всем таблеткам и пойлу в их жизни появился жуткий наркодилер по имени Филипп.

Жизнь превратилась в убожество. «В какой-то момент в этой комнате жила вся группа и еще четыре женщины, — рассказывал Эксл. — Ближайший туалет [общественный] заблевали. Я срал в коробку и выбрасывал ее в мусор, потому что мне было противно ходить в этот туалет». Моральное разложение продолжалось. На концертах они ужасно лажали. Однажды Слэша вырвало прямо за усилителем на концерте в «Raji's». Эксл затеял драку с кем-то из зала. На какое-то время им запретили появляться в клубе «Rainbow» — небольшое достижение, — и музыканты стали считаться вечно пьяными уродами, которые пьют на халяву, устраивают драки и агрессивно попрошайничают на своих собственных концертах. Департаменту шерифа Западного Голливуда стало известно о сборищах на аллее у Гарднер-стрит, а еще до них дошли слухи о распространении наркотиков и другом антисоциальном поведении.

Затем, в декабре 1985 года, произошел серьезный мрачный инцидент, который ознаменовал конец эпохи адского дома. 15-летняя девочка по имени Мишель пришла туда, где ребята репетировали, и, согласно интервью, которое Эксл позднее дал «LA Weekly», «начала хватать инструменты». Произошла какая-то потасовка, и все кончилось тем, что девочка бежала голышом по бульвару Сансет. Ребята знали

Мишель. Она иногда зависала в адском доме, как и многие другие девчонки, и просто оказалась не в том месте не в то время. По версии Эксла, эта «хиппи пришла и начала хватать инструменты, пытаясь что-нибудь сломать... И так получилось, что она побежала по бульвару Сансет голышом, вся грязная и не помня себя».

В своей автобиографии, которая вышла много лет спустя, Слэш рассказывал так: «Мои воспоминания об этих событиях туманны, но я помню, что они с Экслем занимались сексом в нашей конуре. К концу ночи, видимо, когда закончились наркотики и выпивка, девчонка сошла с ума и сильно взбесилась. Эксл велел ей уйти и попытался выгнать. Я попробовал решить ситуацию мирно и выставить девочку по-тихому, но мне не удалось».

Голая малолетка, убегающая от взрослых мужчин по одной из самых оживленных улиц Лос-Анджелеса, не осталась незамеченной, и через несколько часов городская полиция явилась в адский дом вместе с девочкой, чтобы опознать нападавших. На улицу вывели всех, кроме Эксла, который спрятался за оборудованием вместе с другой девушкой. «Пока копы пристают ко всем на улице со своими тупыми вопросами, мы с ней оказались за усилителем и начали трахаться, — позднее хвастался он. — Это был кайф! Мне все сошло с рук! Это было потрясающе».

Полицейские уехали, предупредив ребят, что Экслу нужно сдать ся. За несколько дней логово несколько раз обыскивали. Музыкантам сказали, что девочка и ее родители подают иск об изнасиловании несовершеннолетней (по закону несовершеннолетние считаются неспособными дать согласие на половой акт) в адрес Эксла и Слэша. Ходили слухи, что адский дом находится под наблюдением полицейских под прикрытием, а также департамента полиции Лос-Анджелеса. Несмотря на браваду Эксла, когда угроза пятилетнего тюремного заключения стала реальностью, они со Слэшем быстро

ретиrowались с места преступления. Слэш скрывался в квартире, где Стивен жил с новой девушкой Моникой, работавшей стриптизершей в «Seventh Veil» и с которой, по заявлению Слэша, у них со Стивеном были «отличные тройнички», а Эксл спал на улице в Западном Голливуде, на парковке у «Tower Records», и ходил в туалет на заправках и в дешевых ресторанах.

Теперь группа боялась давать концерты, потому что Эксла и Слэша могли арестовать прямо на выступлении. Друзья отменили концерт в «Music Machine» и больше ничего не планировали. В отчаянии Слэш позвонил Викки Гамильтон, которая когда-то была их промоутером/менеджером, и умолял ее взять Эксла к себе на несколько дней. У Викки была однокомнатная квартира в доме 1114 по Норт-Кларк-стрит, которую она снимала на деньги, полученные за сотрудничество с все более знаменитой группой Poison. Она жила вместе с нуждающейся подругой Дженнифер Перри, работала агентом в продюсерской компании «Silver Lining Entertainment» и помогала ребятам из Guns N' Roses на специальных условиях. (Еще до адских гастролей она «работала на группу 24 часа 7 дней в неделю, поэтому ребята часто заходили просто поздороваться».) Эта договоренность прошла проверку на прочность, когда Эксл оказался в бегах.

«Мне позвонил Слэш, — рассказывала Викки, — и спросил, можно ли Экслу пожить у меня, и я спросила зачем. Слэш ответил: «Это очень важно... его ищут копы». — «Почему они его ищут?» — «У нас в комнате была девочка, и, похоже, они занимались сексом, а потом Эксл рассердился и выставил ее за дверь без одежды, а она пошла в полицию и заявила, что он ее изнасиловал». Я была ошеломлена и не знала, что сказать. Слэш почти умолял, так что я ответила: «О'кей, но только на несколько дней». Через считанные минуты Эксл вошел с пластиковым мешком для мусора и маленьким чемоданчиком, где были все его пожитки.

«О, боже мой... Спасибо огромное, Викки, ты спасла мне жизнь», — сказал он. Я спросила, что произошло, но он почти ничего не сказал, кроме: «Вышло очень глупо, с девчонкой... Это больше не повторится», — пообещал Эксл. Больше я ничего от него не узнала. Все, что я слышала о том происшествии, были только слухи».

Эпоха адского дома подошла к концу. В течение следующих нескольких месяцев крохотная квартирка Викки превратилась де-факто в место временного проживания и штаб-квартиру Guns N' Roses, Эксл со Слэшем обосновались в малюсенькой гостиной (по крайней мере, пока Эксл не шатался по темным кабинкам в «Rainbow», куда его снова стали пускать), а остальные музыканты постоянно собирались здесь на военные советы. Викки даже нашла Экслу адвоката, чтобы тот представлял его интересы в деле об изнасиловании.

Как она напишет позднее в своих мемуарах под названием «Appetite for Dysfunction», через несколько месяцев такой жизни «квартира выглядела так, как будто по ней прошелся ураган. Повсюду были коробки от еды из «Макдоналдса», окурки, тычки от сигарет и пустые бутылки из-под алкоголя. На подоконнике в кухне стояла банка майонеза, так как у меня все еще не дошли руки купить холодильник. Кто-то из моих соседей оставил записку на окне: «Ребята, не ешьте этот майонез. Вам будет плохо. Его нужно хранить в холодильнике». Утром я просыпалась и переступала через тела в спальнях мешках, чтобы сходить попить. Большую часть времени с ними в мешках был еще кто-то, потому что было слышно, как они занимаются сексом. Хуже всего была ванная. На стенах были синие и черные разводы от краски для волос Слэша и Иззи. На самой ванной был налет неизвестного происхождения. Его нельзя было очистить даже пескоструйным аппаратом. Я взяла в привычку брать с собой в душ мусорный мешок, чтобы стоять на нем, пока моюсь».

Викки вспоминает, что, хотя в квартиру несколько раз приходила полиция и они много разговаривали по телефону с адвокатами, обвинения в изнасиловании в тот период были сняты. Дело против Слэша дошло до суда, но затем слушание отменили. Эксу все-таки пришлось найти костюм и появиться в суде, но это дело тоже закрыли из-за отсутствия весомых доказательств. Когда слухи о суде разошлись по Стрипу, вместо того, чтобы разрушить репутацию группы, они только пошли Guns N' Roses на пользу, создав им образ рок-н-ролльщиков вне закона, которым все по барабану, — какими только притворялись большинство других групп. Ходили даже слухи, что обвинения сняли, когда Эксл переспал с матерью пострадавшей девушки. Казалось, никого вообще не беспокоит, что 15-летняя девочка пережила трагический опыт, каким бы он ни был. Наоборот — токсичный адский дом выработывал энергию славы. Как только угроза тюрьмы начала отступать, парням удалось сыграть на этих событиях, и они напечатали рекламу со словами «Пожертвуйте деньги в фонд спасения Guns N' Roses от тюрьмы».

На листовке, которую Слэш старательно нарисовал в гостиной Викки, красовался заголовок «Возвращение в город», ознаменовавший возвращение группы в Стрип с концертом в клубе «Troubadour» 4 января 1986 года. Этот концерт и выступление в клубе «Roxу» через две недели после него подвели Guns N' Roses к переломному моменту. Теперь их приходили послушать сотни людей, а еще сотни не помещались в клуб и толклись на улице, только чтобы сказать потом, что они тоже были там. Музыканты выглядели как уличные хулиганы, которые в последний момент нацепили что-то в женском туалете, Эксл носил байкерские штаны и покачивал бедрами как Ричард Блэк, вокалист Shark Island. Иззи был похож на неизвестного брата-близнеца Джонни Сандерса. Дафф весь облачился в кожу, а Слэш носил нестиранные джинсы и завешивал лицо кудрями. Стивен же

стоял позади и был эдаким светловолосым пижоном с глупой улыбкой... Но их звучание не было похоже ни на что другое. У группы были и глубина и цель, что отличало ее от Poison, Ratt, Faster Pussycat или любой другой группы, которая играла старый глэм-метал. Скорее, Guns N' Roses можно было назвать преемниками Aerosmith или Rolling Stones — классической уникальной рок-н-ролл-группой со своей душой и темпераментом. Концертная программа была сложной и основывалась на материале, который они нарабатывали в адском доме.

Друзья выходили под оглушительную запись «What's That Noise» группы Stormtroopers of Death и начинали с трека «Reckless Life» — доработанной версии «Wreckless» периода Hollywood Rose, а затем играли «It's So Easy», «Move to the City», «Out ta Get Me», «Rocket Queen» (уже полноценную песню со словами, написанными о Барби фон Гриф, подружке Эскла, которая повлияла на многие их работы и часто танцевала на сцене на выступлениях), «My Michelle», медленную и зловещую композицию «You're Crazy», надрывную балладу Эскла «Don't Cry» и коронные «Welcome to the Jungle» и «Paradise City». Для остроты они добавляли каверы на «Mama Kin» Aerosmith или «Nice Boys» Rose Tattoo, в дань уважения своим кумирам. Как клубная группа Guns N' Roses тогда достигли своей вершины.

«Ребятам постоянно звонили, — вспоминала Викки Гамильтон о их растущей популярности, которая в конечном итоге приведет к контракту. — Кроме их бесконечных подружек им постоянно звонили управляющие клубов, инсайдеры индустрии, писатели, представители лейблов, издатели и агенты. Не забывайте, что мобильных телефонов тогда еще не было. Был только стационарный телефон, и если кто-то висел на проводе, то другой человек не мог дозвониться...»

Ребята вели дела так же запутанно и беспорядочно, как занимались и всем остальным. До переезда в тесную

квартирку Викки Гамильтон у них был другой менеджер — Бриджит Райт, которая также работала с группой Jetboy, но, когда Викки спрятала их от полиции, поделилась своим жильем, организовала им концерты, помогла Слэшу с листовками и объявлениями в журнале «ВАН», занялась их продвижением и проработала неделю в кассе «Роху», потому что «Guns сводили ее с ума», — казалось справедливым, что именно она должна стать менеджером группы Guns N' Roses. По крайней мере, так казалось всем участникам группы кроме Эксла, которому каким-то образом удалось избежать этого разговора. Несмотря на то, что у Викки была устная договоренность со Слэшем и что на всех флаерах и афишах группы были ее имя и телефон, в прошлом она уже обожглась, когда работала с Mötley Crüe и Poison. Поэтому, когда ее друг Джон Харрингтон, один из промоутеров «Роху», посоветовал заключить хоть какое-то письменное соглашение, девушка знала, что он прав.

Викки позвонила известному адвокату из музыкальной индустрии Питеру Патерно, который занимался многими контрактами групп в Стрипе. Он составил для нее и группы договор, но «группа тянула с подписанием соглашения, и меня это стало злить. Я чувствовала, что меня просто используют. Парни жили у меня дома бесплатно... Я организовывала им концерты, кормила их и одевала... в свою одежду. Нашла юристов, помогла снять с Эксла обвинения, покупала им сигареты, рисовала листовки и объявления... Должно быть, сошла с ума. Я сказала, что ребята должны договориться и подписать соглашение со мной здесь и сейчас или пусть съезжают... сейчас же. Они согласились посоветоваться».

Но их уже окружили волки... Ким Фоули, легендарный голливудский пройдоха, который сделал себе имя на продюсировании хитов шестидесятых таким известным исполнителям, как Bee Bumble и Stingers, а потом в семидесятых создал и продюсировал Runaways, пришел в квартиру

Викки и предложил Экслу дорожный чек на 7500 долларов и контракт на права на три песни. По словам Викки, Экслу это показалось хорошей идеей, потому что он писал «сотни песен». Она быстро его разубедила. «К нам стали проявлять интерес, — рассказывал Слэш. — И постоянно приглашали на встречи эти идиоты из звукозаписывающих компаний. Как-то на такой встрече я сказал фразу «звучит как Стивен Тайлер», а девушка говорит: «Какой Стивен?» Мы только переглянулись и ответили: «О, а можно нам еще того напитка?»

Викки устроила ребятам встречу с Патерно. У Слэша было такое сильное похмелье, что его стошнило с балкона на десятом этаже прямо на стену здания. Через несколько дней после встречи Патерно заявил Викки, что он будет вести переговоры на стороне группы, а ей нужно найти другого адвоката, чтобы он представлял ее интересы по вопросу менеджмента. «Я была в ярости, но еще слишком наивна, чтобы понять, что мной манипулируют, — вспоминала Викки в своих мемуарах. — Все происходило так быстро, каждый день нас приглашала на ужин новая звукозаписывающая компания. Только у меня не было ни контракта с группой, ни, по всей видимости, адвоката. Ребята убедили меня не волноваться и сказали, что позаботятся обо мне. Я слепо им верила».

Если раньше Guns N' Roses жили в гараже и трахали девушек за еду и ночлег, то теперь они ходили по встречам с представителями музыкальной индустрии и обсуждали заоблачные суммы. «Кто-то шибко умный из «Chrysalis» пришел и сказал, что даст нам 750 тысяч долларов, а мы: «Ага, а вы слышали, как мы играем?» — вспоминал Дафф. — И они: «Нет, но...», — а мы: «Ну ладно, пока!» Внезапно между брендами разразилась маленькая война, и все хотели подписать с нами контракт, так что мы не один раз шикарно пообедали».

После концерта в «Roxу» Викки устроила встречу с Питером Филбином из лейбла «Elektra», на которой Экл попросил его «говорить покороче». Хотя «Chrysalis» не пришлось по душе Даффу, к ребятам продолжила подбивать клинья их исполнительный продюсер Сьюзан Коллинз. После экстравагантного обеда в «Ivy» Коллинз привела их на встречу со своим шефом Роном Фэйром. Эта встреча стала одной из самых скандально известных за всю историю индустрии и продемонстрировала характер и амбиции У. Эсла Роуза.

Воспоминания Викки Гамильтон как очевидца достаточно подробны: «Экл уселся и положил ноги в ковбойских сапогах из змеиной кожи Рону на стол... Их подошва была заклеена скотчем, потому что разваливалась. Рон улыбнулся Эклу и представился ребятам. Он стал агрессивно продавать им контракт и начал с того, почему стоит выбрать «Chrysalis». Достал стопку бумаги, нарисовал знак доллара на пяти листах и раздал всем по одному. «Вот что вы получите, когда подпишете контракт с «Chrysalis»». Экл посмотрел на меня и прошептал мне на ухо: «Он что, шутит?»

Викки спросила, о какой конкретно сумме идет речь. Но Рон не называл цифру, он просто пробормотал: «Много!» А потом сказал ребятам, что вернется к этому разговору, когда поговорит с юристами. Эсла это не впечатлило, он надул щеки, повернулся к Коллинз и сказал ей серьезно: «Если ты пробежишься по бульвару Сансет голышом, то мы подумаем о подписании с вами контракта».

Сьюзан Коллинз не ответила и указала ребятам на дверь. Когда они снова играли в клубе «Troubadour» 28 февраля, Викки насчитала в зале 16 представителей лейблов. День начался не очень хорошо — Экл и Стивен подрались из-за того, чья очередь убираться в квартире Викки, но концерт прошел так же собранно и бешено, как обычно. После концерта Патерно представил Викки молодому представителю лейбла «Geffen» Тому Зутауту. Он смотрелся

среди рокеров необычно, носил короткую стрижку и выглядел как херувим, хотя и был молод. Тома взяли в «Geffen» после того, как он убедил компанию «Elektra» подписать контракт с Mötley Crüe, и ему же пришла идея их первого значительного хита — кавера на песню «Smokin' in the Boys Room» группы Brownsville Station. Mötley Crüe готовились к мультиплатиновому статусу, а Зутаут уже нащупал новый музыкальный прорыв. Позднее он утверждал, что сразу понял, что Guns N' Roses станут величайшей группой в мире, когда услышал две их песни: «Welcome to the Jungle» и «Nightrain».

На самом деле Зутсу, как его называли, об этой группе уже рассказал приятель Джозеф Брукс, авторитетный диджей радио «KROQ» и бывший владелец успешного голливудского музыкального магазина «Vinyl Fetish». «Я притаскивал представителей лейблов на их концерты и ставил демо-запись «Welcome to the Jungle» в своей программе [на радио «KROQ»]», — вспоминал Брукс. Зутаут тоже это помнит. «Джо из «Vinyl Fetish» сказал: «Есть новая группа Guns N' Roses — ты должен их заценить». Я пошел посмотреть на них в клуб «Troupadour» и встретил там много представителей лейблов, поэтому ушел после двух песен... По пути сказал одному из этих представителей: «Полный отстой — я иду домой», — прекрасно зная, что я подпишу с ними контракт, чего бы это ни стоило компании «Geffen».

На следующий день после концерта Зутс позвонил Экслу и пригласил ребят к себе домой, где сразу перешел к делу и предложил им сделку. Сначала Эксл очень старался сохранять хладнокровие. Но, чем больше они говорили, тем больше Экслу нравился этот продюсер из «Geffen» с детским лицом. Зутаут сделал два умных хода. Во-первых, он дал им понять, как сильно любит Aerosmith, а еще что компания «Geffen» вот-вот поднимет их карьеру на новый уровень

(что они и сделали, причем эффектно). Если Guns N' Roses подпишут контракт с «Geffen», они станут коллегами по цеху со своими героями. Во-вторых, он упомянул имя Билла Прайса, который может стать их продюсером. Прайс работал с Sex Pistols, а это воодушевляло Эксла и доказывало ему, что у Зутаута такое же видение группы, как и у самих ребят.

Эксла поразили музыкальные знания Зутаута и его очевидные увлечения, и он сделал ему бравурное встречное предложение: «Если вы выпишете нам чек на 75 тысяч долларов к шести вечера в пятницу, то мы подпишем с вами контракт. В противном случае мы будем разговаривать с другими людьми».

Когда Зутаут вернулся в офис, чтобы переговорить с начальником — президентом лейбла Эдди Розенблатом, он снова высказал свою интуитивную догадку и попытался убедить Розенблата, что, хотя этот запрос очень нетрадиционный, У. Эксл Роуз обладает потенциалом, ради которого можно пренебречь правилами. Розенблат, который достаточно времени вращался в индустрии, чтобы понимать, что к чему, сопротивлялся. Тогда Зутаут попросил встречи с самим Дэвидом Геффеном, и Розенблат, которого впечатлила настойчивость парня, согласился. Изложив свое дело, Зутаут беспомощно наблюдал, как Геффен смеется в голос над его увещеваниями, что Guns N' Roses станут самой крутой рок-н-ролл-группой в мире. «Дэвид, богом клянусь, — настаивал Зутаут. — Я в этом не сомневаюсь, и мы должны заключить с ними контракт. Мне нужен чек на 75 тысяч в пятницу к шести».

Геффен, который построил корпорацию на собственных верных предчувствиях, кивнул головой. Он совершенно не подозревал, что только что согласился выписать чек тому самому малышу Солу Хадсону, с которым когда-то нянчился в Лорел Каньон.

Зутаут позвонил Экслу, а тот сказал ему, что, если Сюзан Коллинз пройдет голый по бульвару Сансет до 6 вечера, то Guns N' Roses подпишут контракт с «Chrysalis». Том нервничал до 18:01 и постоянно выглядывал из-за жалюзи офиса, ожидая увидеть какой-нибудь транспортный коллапс на бульваре внизу. Но в тот же вечер Эксл, Слэш, Иззи, Дафф и Стивен послушно явились к нему в офис и подписали меморандум по этому делу, который Зутаут положил перед ними на стол. К полуночи дело было сделано: Guns N' Roses подписали крупный долгосрочный контракт с «Geffen Records». Ким Фоули вспоминал, как Эксл в тот вечер сидел в «Rainbow», размахивая ксерокопией чека от «Geffen». «Он сказал: «Гляди, мы заключили контракт». Я сказал: «Поздравляю», — а он ответил: «Купи мне выпить — у меня нет денег».

Викки Гамильтон осталась за бортом. Несколько месяцев, пока ребята не подписали контракт и жили у нее, пронеслись как вихрь и обошлись ей в некоторую сумму. Она одолжила 25 тысяч долларов у Хоуи Хаббермана, державшего магазин под названием «Guitars R Us», и эти деньги пошли на оборудование, одежду и финансирование дешевых демозаписей, которые они раздавали представителям лейблов, пока за группой не началась настоящая охота. Чтобы это произошло, Викки подняла все свои связи. Она передала демо-запись Джону Калоднеру, главному по поиску талантов в «Geffen», задолго до того, как группа приглянулась Зутауту. Она свела Эксла с Полом Стэнли, фронтменом Kiss, чтобы поговорить о продюсировании — и эта встреча почти сразу провалилась, потому что Стэнли предложил переделать пару песен. Она отдала друзьям все, что у нее было, и даже больше. А они забрали это и даже не попрощались.

Кроме Эксла. В конце марта 1986 года Guns N' Roses играли на разогреве у одного из своих давних героев — Джонни Сандерса в «Fender's Ballroom» в Лонг-Бич. Там было

много наркотиков, и в целом впечатление осталось неприятное. Как раз после этого концерта Эксл пригласил Викки на ужин — вдвоем — в «Rainbow». Она рассказала, как Эксл планировал будущее Guns N' Roses, которые станут известнее, чем Queen и Элтон. «И для этого им нужен был настоящий сильный менеджер, и это не я. Я примирилась с этим, ведь они сами видят свой путь. Но как насчет времени и сил, которые я в них вложила? Разве это ничего не стоит? Что насчет денег, которые я заняла?»

Эксл сказал ей: «Я правда собираюсь вернуть тебе деньги и добавить сверху, но я не уверен, что ты будешь нашим менеджером, когда мы подпишем контракт. Ты замечательно справляешься на местном уровне, но я не знаю, сможешь ли ты поднять нас на вершину к мировому успеху».

Гамильтон возразила, что могла бы работать в партнерстве с более опытным менеджером, и устроила встречу с Доком Мак-Ги и Дугом Талером, которые работали с Bon Jovi, Scorpions, а теперь и Mötley Crüe. Это было ужасное утро: пришли только двое ребят, с красными глазами, в похмелье, и клевали носом, сидя на диване в офисе «McGhee Entertainment», пока Док и Дуг спрашивали их о планах. Мак-Ги уже натерпелся с Mötley Crüe и отказался с ними работать.

Когда Зутаут с новыми силами взялся за подписание контракта с группой, он предложил Викки работу в «Geffen» по поиску талантов. «Он сказал мне: «Если вы начнете работать в «Geffen», то будете слишком заняты поиском талантов, и у вас не будет времени на работу менеджера «Guns N' Roses», так что нам придется найти им другого. Я предоставлю вам офис не в нашем здании, а где-нибудь в другом месте. Вы сможете заниматься поиском талантов, но вам придется отказаться от Guns N' Roses и позволить мне найти им сильного менеджера», — вспоминает она в мемуарах «Appetite for Dysfunction». — Я ответила, что подумую об этом.

Тем временем он обхаживал ребят и приглашал их к себе домой на вечеринки. Иногда я приходила домой в середине дня и заставала Тома в своей гостиной с ребятами. Мне было грустно и тоскливо при мысли, что я их отпускаю, но я обдумывала разные варианты. Я пришла к решению, что должна принять предложение Тома Зутаута».

28 марта Guns N' Roses дали в «Роуху» два концерта, которые Викки организовала как показательные, но которые теперь превратились в празднование заключения контракта. Она помогла ребятам обналичить их аванс — каждому досталось примерно по 7,5 тысячи долларов. Викки не получила ничего. «Они бегали по городу и покупали одежду, набивали татуировки, покупали музыкальное оборудование и закатывали пьянки. Я осталась на мели, сидела в своей обшарпанной квартире и не знала, чем оплатить аренду и на что купить продукты. Хоуи Хабберман дал мне 500 долларов и сказал пожить где-нибудь в отеле... Мне действительно нужно было пару дней побыть наедине с собой, чтобы собраться с мыслями».

Когда Викки перестала быть частью будущего группы, Guns N' Roses впервые встретились с прессой, и — возможно, это было предзнаменование — все закончилось катастрофой. Гамильтон организовала им статью журналистки Карен Берч в журнале «Music Connection», которая встретилась с ребятами в квартире Викки на Норт-Кларк-стрит и провела увлекательное интервью с пристрастием, которое сразу пошло не так, как только Карен спросила, сколько им лет. Когда статья — «Время Guns N' Roses: Лицом к лицу с самой шаловливой мальчиковой группой Лос-Анджелеса» вышла — в ней было предупреждение: «По словам Эхла Роуза, статья не соответствует пожеланиям Guns N' Roses», — и это было правдой. Эхлу не понравилась идея статьи, и он неделю звонил Берч с угрозами в попытке убедить ее не печатать материал, а когда 14 апреля 1986 года журнал вышел, он

написал бессвязное письмо с жалобами на все, начиная с «неискренности» фотографа до «незаписанных сексуальных провокаций» Берч.

Это было абсурдное самоуверенное послание, написанное напыщенным слогом — «когда перо, как часто бывает в действительности, подобно ножу» — и полное надуманных причин того, почему Берч только «распустила зловоние» своей работой. Такое общение с прессой вошло у Эксла в привычку и стало очередным проявлением его неустойчивого поведения, которое будет определять дальнейшую жизнь группы. Его реакция была довольно странной, учитывая, что статья, если прочитать ее сейчас, кажется довольно хорошим материалом о группе в серьезном американском музыкальном журнале.

Вскоре после этого Викки получила уведомление о выселении и переехала с Норт-Кларк-стрит в бунгало в Западном Голливуде, испытав от этого огромное облегчение, хотя ей все еще трудно было платить за жилье. Несмотря на то, что уже было ясно, что она не будет менеджером Guns N' Roses, Викки продолжала организовывать им концерты, а Зутаут тем временем вкладывал ресурсы компании «Geffen» в их повседневные нужды. Первым менеджером, которого он им нашел, был Арнолд Стифел, представитель Рода Стюарта, но сотрудничество быстро закончилось, когда музыканты разгромили дом, снятый для них Стифелом. Все вернулось на круги своя, репутация группы в глазах пары ведущих компаний, занимавшихся менеджментом артистов (Док Мак-Ги тоже умыл руки), упала, и Зутаут нашел им новый дом на Фонтейн-авеню — знаменитой голливудской магистрали, идущей параллельно бульвару Сансет. Экслу не нравился этот дом, и какое-то время он заваливался в квартиру Викки переночевать на диване, но, как только уведомление о выселении было исполнено, они перестали разговаривать. Она стала работать в компании «Geffen» и получила приятный телефонный

звонок от Олы Хадсон, матери Слэша, которая поблагодарила ее за то, что присмотрела за ребятами. И, хотя Слэш, Стивен и Дафф публично выразили ей свою признательность, но так и не возместили деньги, потраченные Викки на Guns N' Roses, поэтому три года спустя она подает на них в суд.

В апреле 1986 года Guns N' Roses дали первый концерт в отремонтированном клубе «Whisky a Go Go», и этот вечер важен по многим причинам. У них на разогреве играли Faster Pussycat, с которыми скоро будет работать Викки и на выступлении которых настоял Эклс. Кроме того, он переживал муки первых взрослых отношений с Эрин Эверли — 20-летней моделью и дочерью певца Дона Эверли, — и от всего этого испытывал ужасное напряжение. В день концерта они со Стивеном Адлером ввязались в очередную драку. Никто точно не помнил, почему.

Том Зутаут пригласил Тима Коллинза, одного из менеджеров Aerosmith, из Нью-Йорка, чтобы тот взглянул на группу и рассмотрел вопрос сотрудничества. «На самом деле я этого не хотел», — признавался Коллинз, но тогда отношения Aerosmith с «Geffen» только развивались, и он решил, что должен хотя бы взглянуть на них из вежливости. Как и «токсичные близнецы» Aerosmith Стивен Тайлер и Джо Перри, Коллинз был в завязке, поэтому, как только он заглянул за кулисы к Guns N' Roses, которых окружали сомнительные персонажи и едва одетые молодые девицы, то «сразу же почувствовал наркотический аромат этой группы и серьезный риск сорваться, если не вести себя осторожно».

Коллинз привел музыкантов в свой номер в отеле «La Dufy», и они проговорили всю ночь. Эклс его очень впечатлил, но когда он наконец попал в туалет после многочисленных визитов Иззи и Слэша и увидел кровь на потолке, то понял, что кто-то из группы употребляет героин. «Честно говоря, они меня пугали», — признался Коллинз американскому писателю Стивену Дэвису и, несмотря на уговоры самого Дэвида

Геффена, отказался с ними работать. Еще Зутаут приглашал Рода Смолвуда, прямолинейного менеджера Iron Maiden из Йоркшира с кембриджским образованием, но Смолвуд уже сотрудничал с Poison, которые работали с лейблом «EMI» вместе с Iron Maiden, и тоже отказался. «В них было что-то, в чем я был не уверен, — рассказал он мне. — В основном говорил вокалист, но меня отталкивало не то, что он говорил. Дело было в них самих, что-то в них явно было... не так».

Репутация Guns N' Roses как неуправляемой группы только усиливалась.

Летом 1986 года все стало только хуже. Планы записываться в Лондоне с Биллом Прайсом провалились — отчасти из-за проблем с бюджетом, а отчасти потому, что Зутаут считал безумием отпускать Guns N' Roses одних за границу. Дэвид Геффен попросил Прайса приехать в Лос-Анджелес, но Билл, который только что завершил продюсирование нового альбома Пита Таунсенда и начал работать над демо-записями группы The Jesus and Mary Chain, отказался. Продюсер Mötley Crüe Том Верман тоже отказался, как и Боб Эзрин, который работал с Лу Ридом и Роджером Уотерсом и которому показалось, что работать с этими странными детишками из Голливуда — это уже слишком. Встреча с гитаристом Cheap Trick Риком Нильсеном закончилась тем, что после пьянки с текилой Иззи ударил Нильсена по шарам. Зутаут даже разговаривал с басистом Mötley Crüe Никки Сиксом, по словам Никки: «Чтобы узнать, смогу ли я сделать панк-метал, который они тогда играли, более мелодичным и коммерчески успешным, при этом без ущерба для убедительности. Зутаут сказал мне, что Guns N' Roses просто панк-группа, но могут стать величайшим рок-н-ролл-коллективом в мире, если кто-то поможет им найти мелодии, которые проложат им путь на вершину. Я тогда был практически в агонии и слишком занят тем, чтобы сбавить темпы в приеме наркотиков, поэтому не был готов серьезно рассмотреть эту идею...»

Наконец музыканты нашли кого-то, кто хотя бы был готов зайти с ними в одну студию, — Мэнни Чарлтон, гитарист Nazareth, провел с ними долгую сессию в «Sound City» в Голливуде. Присутствие одного из школьных любимчиков Иззи и Эксла стимулировало жесткий рабочий график, и за сессию они записали 27 песен, в числе которых почти весь альбом «Appetite for Destruction» и еще партия, которая останется для альбома «Use Your Illusion», в том числе любимая баллада Эксла «November Rain».

Это был тот самый прорыв, которого так ждал Зутс, а рабочие темпы друзей воодушевили его. Когда 11 июля они выступали хедлайнерами в клубе «Troubadour», Эксл сказал зрителям, что Guns N' Roses не только запишутся для компании «Geffen», но и выпустят записи нескольких сессий в «Sound City» с независимым лейблом, чтобы их поклонники в Стрипе могли насладиться звучанием лучшей концертной группы Лос-Анджелеса на виниле.

А пока Зутаут наслаждался новой удачей и отработывал пару связей, которые катапультируют группу на орбиту далеко-далеко за пределы Голливуда, где она и обоснуется. Первое из этих важных знакомств — Алан Нивен, новозеландец, получивший образование в английской частной школе и обладающий свободным духом, позволившим избежать военной карьеры, которую прочил ему отец, и научиться играть на гитаре и писать песни. В ожидании славы он сделал ставку в своей музыкальной карьере на работу в компании «Caroline», дистрибьюторе в составе молодой империи «Virgin Records» Ричарда Брэнсона, и благодаря этой работе переехал из Лондона в Майами, затем в Гетеборг, а затем в Лос-Анджелес, а потом... куда угодно, где ему нравилось.

«Когда я заканчивал школу, а школа кончала со мной, я уже был руководителем, — рассказывает Нивен. — Школьным префектом, какое-то такое дерьмо. Под конец мне стало совершенно и глубоко отвратительно угождать взрослым,

которые лицемерили и подводили меня. Так что именно там мое чувство презрения к авторитетам расцвело пышным цветом. Пойду ли я в военную академию в Сандхерсте по семейной традиции? Хрен там! Мне интересно накуриваться и ловить кайф, а кроме того, проверить, смогу ли я кого-нибудь уложить в постель.

В то время мы говорили о расширении сознания, и смысл был не в том, чтобы уйти в отключку, а в том, чтобы учиться быстрее и понимать предметы быстрее и глубже. Мы расширяли границы долбаного восприятия. Мы собирались стать лучшим поколением. А потом в семидесятые появился кокаин, и все это дерьмо было спущено в унитаз».

Тогда они этого еще не знали, но скоро Эксл встретит свою половинку. Ту самую, которая разожжет огонь, который поглотит их всех, и которую потом он сам потушит, а вместе с ней погаснет и все остальное.

3

Цыпленок а-ля ЛСД

Годы спустя, когда война затихла, но все еще считали потери, Иззи Стрэдлин выразился так: «Пришел Алан Нивен. Слава богу, что пришел, потому что он о нас позаботился. Наверное, посмотрел на нас и подумал, ну и безобразие. Но я думаю, что Алан сам был таким же когда-то и увидел в нас потенциал. Он много работал с нами, и, кто бы что об этом не говорил, но он стал шестым неназванным участником группы». На самом деле 33-летний Алан Нивен однажды уже был шестым участником, и не таким уж неназванным — группы Great White из Лос-Анджелеса, которая скоро станет платиновой. Он спас этот коллектив от неудачной карьеры посредственной хэви-метал-группы, собственноручно воскресив в новом обличье, в котором они предстали в 1986 году: заводная рок-группа с блюзовым влиянием и полными карманами потенциальных хитов. Имея наглость повторно подписать договор с родительской компанией («Capitol Records») лейбла, который только что расторг с ними контракт («EMI America»), Нивен полностью переделал группу и спродюсировал их новый альбом «Shot in the Dark», став соавтором четырех из шести его песен и собственноручно выбрав два кавера, в том числе убийственную версию песни «Face the Day» австралийских рокеров The Angels, с которыми Нивен тоже работал.

Кроме того, Алан взял на себя обязанность продвигать эту композицию на ведущих рок-радиостанциях в Калифорнии того времени: «KMET» и «KLOS». «Face the Day» стала

песней года в Лос-Анджелесе в 1986 году, — вспоминает он. — В городе было примерно двадцать лейблов с огромными бюджетами, которые швырялись деньгами направо и налево, купались в кокаине и думали: «Каким лядом этот парень собирается продвинуть песню в эфир?» Так что в восприятии гигантов индустрии с бульвара Сансет это было удивительно, и они смотрели на меня как-то так: «У этого парня, что, в крови какая-то магия и харизма?» И именно это помогло мне сделать то, что я сделал с Guns N' Roses. Это, и еще английский акцент! — смеется он. — Войти в дверь и вспомнить, что когда-то ты жил в Оксфордшире. Они даже возмутиться не посмеют, потому что ты говоришь так, как будто пришел из «PBS». Когда Том Зутаут, с которым Нивен познакомился четыре года назад, пытаюсь вместе выбить у «Elektra» контракт для Mötley Crüe, добавил его в свой список возможных менеджеров Guns N' Roses, Алан, по его собственному признанию, сначала противился этому предложению, но согласился на встречу только потому, что Зутс был его другом.

Как и большинство людей, которым удается чего-то достичь в Лос-Анджелесе, Алан Нивен был родом не из этого города. Два года он жил в Швеции и работал на «Virgin»/«Caroline», а потом его наняла независимая компания-дистрибьютор «Greenworld». «Это был один из тех моментов, когда понимаешь, что ты в жопе, — вспоминает он. — Потому что я знал, что если не поеду, то всю жизнь буду представлять, что могло бы быть, если бы я поехал в Лос-Анджелес». И Нивен почти сразу нашел золотую жилу — помог зеленой, неуправляемой группе из Западного Голливуда под названием Mötley Crüe выпустить первый альбом под собственным лейблом «Leathür Records». «Too Fast for Love» вышел в ноябре 1981 года согласно договору о «записи и распространении» с «Greenworld», в котором Нивен выступил посредником вместе с Алланом Коффманом,

менеджером группы. «Я приехал в Лос-Анджелес, и Марк Уэсли, один из партнеров «Greenworld», дал мне послушать кассету Mötley Crüe «Piece of Your Action». Я сказал: хорошо...» Алан даже не нанимал адвоката для составления контракта, а составил его сам.

«Аллана Коффмана интересовал только аванс в 15 тысяч долларов наличными, который мы кое-как наскребли».

Алан Нивен познакомился с Томом Зутаутом в 1982 году на крупнейшей выставке музыкальных инструментов «NAMM» в отеле «Century Plaza», когда тот работал младшим агентом по поиску талантов в «Elektra Records». «У меня в киоске были постеры Mötley Crüe, — вспоминает Нивен, — и Том сказал, что хочет поговорить со мной о группе. А я ответил: «Ну, давай поужинаем». Нивен тогда жил со своей женой в небольшом доме в Палос Вердес с видом на океан и на остров Санта-Каталина. Зутаут пришел к нему на ужин в пятницу вечером, а ушел только в понедельник. Нивен смеется при воспоминании об особом блюде, которое он тогда приготовил. «Я приготовил ему своего жареного цыпленка а-ля ЛСД. Тогда я подумал: ну, мы очень быстро узнаем, что это за тип...» И они вместе съели этого цыпленка. По территории у дома гуляли дикие павлины, и Том был уверен, что они в бриллиантовых сережках. «Он тогда был невероятно влюблен в Белинду Карлайл, улегся перед камином, глядя в огонь, и рассказывал, как он ее обожает. Он хотел стать успешным, чтобы жениться на ней. Потом мы с ним вместе выходили в открытый океан...» Том стал приезжать в этот дом почти каждые выходные. «Мы проводили много времени вместе. Моя уже бывшая жена даже работала его ассистенткой какое-то время. Понимаете, мы были друзьями, друзьями. У нас были планы. Однажды нам пришла идея вместе открыть свой собственный лейбл». Когда Нивен помог Зутауту подписать Mötley Crüe контракт с компанией «Elektra», «это открыло ему двери в отдел по поиску талантов».

Тем временем Нивен сыграл ключевую роль в развитии лейбла «Enigma», который вырос из «Greenworld», и в 1982 году подписал контракт с группой Berlin, которая станет всемирно известной благодаря песне «Take My Breath Away», а также помог Зутату подписать контракт с «Elektra» группе Dokken, которая тоже станет платиновой в США в середине 80-х годов.

Когда Зутс начал давить на него, чтобы тот стал менеджером Guns N' Roses, Алан был уже занят Great White благодаря компании «Stravinski Brothers». «Я подумал, что тогда мне придется делить между ними свое время и энергию. И мне очень, очень страшно было на это решиться, потому что добыть Great White новый контракт стоило огромных усилий. Это противоречит всему моему жизненному опыту. Запрещь дебютный альбом — тебе конец. А я знал, что нужно делать и как это делать». Great White стояли в приоритете, и над ними предстояло как следует поработать. А эта новая зеленая группа с улицы предполагала, что план будет только один — надеяться на лучшее. «Я смотрю на Guns N' Roses и понимаю, что они не станут чем-то большим, чем хорошая андеграундная группа. Их никогда не полюбят на радио, у них было много гонора, и они были настолько неотесанные, что я знал — работа предстоит нелегкая. [Но] я был последней отчаянной попыткой Зутса найти менеджера, потому что Розенблат уже угрожал разорвать контракт с ребятами и не записывать им альбом». Позднее Том рассказал Алану, что, когда он взял на себя роль менеджера, Эдди Розенблат, президент «Geffen», предупредил его: «Либо этот парень делает так, чтобы через три месяца они выглядели продуктивной группой, либо мы с ними больше не работаем».

Нивен познакомился с музыкантами в роскошном районе Лос-Фелис в их новом доме на Лафлин-парк-драйв, который Арнолд Стифел, менеджер Рода Стюарта, снял для них, прежде чем слинять. «Когда я пришел, оттуда выходила известная

стриптизерша с бульвара Сансет, — вспоминает Нивен. — Там были Из и Слэш. Больше никого. Из задремал. Слэш показал мне свою чертову змею. Я ненавижу чертовых змей. Как я и думал, все подчинялось случайным обстоятельствам».

Когда Нивен должен был прийти посмотреть на ребят на сцене, Эксл не явился на первый концерт. И на второй тоже. Алан объясняет: «Подписав договор о работе с группой в сентябре 1986 года, я собирался прийти на их ближайший концерт — выступление на разогреве у Элиса Купера в театре Арлингтон в Санта-Барбаре.

Элис должен был исполнить небольшой концерт в завершение своей подготовки к турне. Ему нужен был кто-то на разогрев, и это оказалось хорошей возможностью для Guns N' Roses сыграть на сцене приличного размера; на тот момент они выступали только в клубах.

Я арендовал большой старый автомобиль «Линкольн», чтобы отвезти ребят в Санта-Барбару. Когда я заехал за Экслем, он сказал, что поедет с фотографом Робертом Джоном и встретится с остальными на месте. «Не о чем беспокоиться, — подумал я. — Хотя бы в машине будет побольше места». Как глупо с моей стороны. Близилось время начала, а Эксла все не было. Музыканты беспокоились. Я думал, он просто опаздывает. За десять минут до начала вокалист все еще не явился. В эту минуту я покинул свой «пост ожидания Эксла» на парковке за театром и пошел в гримерку. Ребята выглядели несчастными.

«Мы не можем играть», — сказал Слэш. Иззи просто устал себе на ноги». «Мне плевать, — сказал им Нивен. — Мы договорились играть, и мы будем играть. Разберитесь, кто что будет петь, но вы, придурки, выйдете на сцену». Ребята уныло потащились на сцену, и Дафф и Иззи исполняли вокальную партию как могли. «Могу ошибаться, но, кажется, даже Слэш что-то спел в микрофон. В целом это был, наверное, самый худший концерт в истории группы. Когда я стоял

в зале, то слышал бормотание зрителей, высказывающих негативные замечания: «Я слышал, вокруг этой группы настоящая шумиха. Чувак, они отстой». Может и так, но в тот момент Слэш, Иззи, Дафф и Стивен покорили меня своим старанием выйти из нелепой ситуации.

Позднее Эксл утверждал, что пришел как раз к началу выступления. Мы не видели его ни до, ни после концерта, хотя оставили ему пропуск, а его имя было в списке артистов. Но вышло так, как вышло. Вообще у Экса всегда были проблемы с тем, чтобы прийти на концерт вовремя. Однако с того случая я стал более привержен группе как единому целому, чем ее примадонне».

Эта приверженность испытала проверку на прочность на следующем же концерте. Группу пригласили сыграть на разогреве у Red Hot Chili Peppers в кампусе Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, куда пришло 12 зрителей. «Двенадцать! Я сам посчитал. Ну отлично, думаю. Какого хрена я связался с Томом Зутаутом и его чертовой группой? Либо не приходит вокалист, либо долбанные зрители. Будет весело... Иззи прилип ко мне как приклеенный. Он считал: «У нас осталась последняя пуля в барабане. Последний в мире менеджер согласился с нами работать. Если мы егопустим, нам конец». И это была правда».

«Со временем, — говорит Нивен, — Иззи стал тем, на кого я всегда мог положиться, когда нужна была актуальная информация. Когда я хотел узнать, что ребята думают о той или иной ситуации, с ним я разговаривал больше всех. Они с Даффом помогли мне рассмотреть потенциал Слэша и Эксла, когда я с ними только познакомился. У них было удивительное свойство — они просто излучали крутизну, когда находились на сцене. И это было естественно. Меня поразили их уверенность и беззаботность».

Но никто никогда не сомневался в том, кто лидер, на ком сосредоточено все внимание, кто задает тон.

«Эксел, — говорит Нивен, — находился на пике невероятной андрогинной привлекательности. Многие люди смотрят на меня, словно я спятил. Но большинство, когда мы говорим о Guns N' Roses и я спрашиваю: «Ну, скажи-ка мне, что было в Guns N' Roses?» — смотрят на меня и спрашивают: «В них было что-то помимо аппетитов и капризов?» — И я говорю: «Да, черт побери! Вот почему я стал с ними работать, а если вы меня не понимаете, то мне очень жаль».

Алан вспоминает вечер, когда Том Зутаут приехал к нему домой и буквально умолял его взяться за эту группу. «Никогда этого не забуду... Он сел у окна, посмотрел на меня и сказал: «Нив, на этом моя карьера закончится. Я сяду в лужу». Он рассказал, что лейбл угрожает расторгнуть с ними контракт: «Я в отчаянии, и мне нужна помощь». Ну, и о чем же это мне говорило? Перед глазами словно высветилась огромная неоновая надпись со словами, что эти люди окончательно и бесповоротно антиавторитарны. И, если вы хоть немного меня знаете, то уже поняли, что я, конечно же, за них взялся. Некоторые особенности поведения Эксела я находил чрезвычайно оскорбительными для других, даже принимая во внимание трудности, через которые ему, возможно, пришлось пройти в детстве». В конце концов Нивен смирился и подумал, что «если удастся внедрить хоть немного дисциплины, то получится и полмиллиона записей продать».

Первый ключевой ход Алана Нивена в должности менеджера Guns N' Roses — найденный им профессионал, который сделает все, что возможно, с их музыкой в студии. Это был Майк Клинк из Балтимора, бывший раньше инженером, а потом ставший продюсером и работавший в одной из самых известных студий Лос-Анджелеса «Record Plant» под руководством Рона Невисона — продюсера с золотыми руками и выдающимися коммерческими достижениями, в том числе многомиллионными записями Heart, Survivor, Europe, Оззи Осборна, Эдди Мани и Jefferson Starship. «Клинк

понимал, что хорошо звучит на радио, «но знал, что делать с Guns N' Roses, — сказал он. — Парни принесли мне записи, которые им нравятся. Слэш любил Aerosmith, а Эксу нравился альбом Metallica «Ride the Lightning».

Клинк привел ребят в студию «Rumbo Records», которой, как он надеялся и молился, они нанесут минимальный материальный ущерб. Студия находилась в Каного-Парке, на равнине к северо-западу от Голливуда, и у нее была общая парковка с ветеринарной клиникой «Winnetka». «На время работы в студии я поселил их в квартиру неподалеку, — вспоминал Клинк, — и они ее разрушили. Однажды вечером дверь захлопнулась, а ключи остались внутри, поэтому парни бросили в окно булыжник. Они решили, что так будет похоже на ограбление. Когда их наконец выгнали, ни одна вещь в квартире не осталась нетронутой. Она выглядела так, будто ее решили перепланировать и начали сносить стены». Но, как позднее рассказал мне Слэш: «Мы кутили на полную, но в студии мы работали очень сплоченно. Во время работы мы не принимали наркотики и ничего такого».

Эксл познакомился с Эрин Эверли за несколько недель до начала работы в студии с Майком Клинком, но скоро стало очевидно, что эти отношения сыграют важную роль в жизни их обоих. Эрин не была похожа на друзей Эксла из родного города, как Джина Сайлер, и на большинство девушек из Стрипа, которые оказывались в адском доме. Она относилась к элите Лос-Анджелеса и жила в совершенно другом, более изысканном обществе. Ее отец — музыкальная легенда Дон Эверли, мать — актриса Венеция Стивенсон, бабушка — режиссер Роберт Стивенсон, а бабушка — актриса Анна Ли. В Эксле Эрин нашла идеального плохого парня для хорошей девочки — вокалиста самой опасной и грязной группы в Голливуде. А Эксл нашел в Эрин спасение от всего этого. Как заметил Дафф: «Эксл,

бывало, пропадал на несколько дней из-за своей вечной смены настроения. Иногда он выглядел так, как будто сидит на спидсах и отскакивает от стен, как мячик, иногда он спал по три дня... Я всегда понимал, насколько сильно его тип личности отличается от моего». Но Дафф, в свою очередь, был алкоголиком. Слэш плотно сидел на героине вместе со своим дружкой Иззи. Стивен был менее замороженным обдолбешем. Он вообще не пользовался мозгом, спал на крышах, в углу на полу, спал долго, и ему было все равно, пьян он или трезв.

Пока музыканты недолго жили в доме, который снял для них Арнолд Стифел, различия в их жизни стали очевидны — по крайней мере, Слэш и Иззи находились в состоянии достаточной вменяемости, чтобы это заметить. Их комнаты быстро превратились в наркоманские притоны, которые сначала освещали голые лампочки, а потом и вообще ничего, а Эксл ретировался на верхний этаж, где как следует обставил спальню и запер дверь. Теперь, когда у него была Эрин, появилась весома причина отказаться от наркоманского хаоса, в который все больше превращалась их жизнь. Но и эти отношения постепенно станут непостоянными и разрушительными для них обоих. Через много лет после того, как они расстались, Эверли продала на аукционе некоторые письма и записки, которые ей написал Роуз, и они вносят немного ясности в их роман: «ОТ КРЕТИНА» — гласила записка в букете цветов; «Прости, что разозлился на тебя, ты не виновата... — начинается другая, — меня расстроила ситуация, в которой я оказался, и я не знал, как выразить словами свои чувства»; «Тебе не стоило вести себя так жестко — я должен был понять — я никогда не понимал, как я важен для тебя...» и так далее.

Хотя их брак закончился спустя несколько месяцев агрессии и обвинений в насилии, эти записки открыли в Эксле нежность, готовность идти на компромисс и просить прощения,

которых никогда не видели в нем ни участники группы, ни другие люди.

Именно эти чувства, возникшие в новых взрослых отношениях, он выразил в песне — одной из последних песен для альбома «Appetite». Благодаря ей можно представить себе пропасть между вокалистом и остальными музыкантами, которым поначалу не понравилась «Sweet Child o' Mine». Они восприняли ее как шутку. Слэш начал играть сложное сольное вступление «понарошку», а сам процесс сочинения и репетиций этой песни сравнивал с «выдиранием зубов. Тогда она казалась мне слащавой балладой». Дафф его поддерживал и называл новую песню шуточной. «Мы подумали: «Что это за песня? Из нее ничего не выйдет». «Это было не всерьез, — продолжал Слэш. — Мы жили в доме, где было электричество, диван и больше ничего. Звукозаписывающая компания недавно подписала с нами контракт, и мы раздолбайничали. Происходило много разного дерьма. Однажды вечером мы зависали там, и я начал играть этот рифф. А потом Иззи придумал к нему несколько аккордов, а Эксл начал сочинять текст. Раньше мне не нравилось играть этот отстой». Но Эксл услышал в музыке что-то, что помогло ему выразить свою лирическую идею. Как и большая часть его ранних записей, эта песня была откровенно биографическая, но очень нежная. Он вдруг стал откровенным и романтичным: «Ее волосы напоминают мне о детстве, / Где было хорошо и где бы я мог спрятаться», — что нетипично для их музыки в целом. И он точно знал, как песня должна звучать: «Я из Индианы, где Lynyrd Skynyrd считаются богами до тех пор, пока ты наконец не скажешь, что ненавидишь эту долбаную группу, — объяснил он мне. — Но, чтобы написать «Sweet Child», я купил несколько старых записей Skynyrd, чтобы добиться такой же искренности».

Эксл не терпел никаких возражений, и это окупилось, потому что песня стала поворотным моментом для него и всей

группы. Она стала локомотивом альбома «Appetite», и ее бесконечно крутили по радио и по «MTV», что окончательно убедило Эксла в том, что нельзя слушать, что говорят о его песнях другие — даже Слэш. Особенно Слэш. Экл заметно больше походил как артист на Уэста Аркина, и между ними была тесная дружба. Аркин был одним из тех главных персонажей на сцене Лос-Анджелеса, творчество которых пришлось на догранжевую, доаскетическую эпоху конца восьмидесятых — начала девяностых (к несчастью, в 1997 году он умер от передозировки опиатами, когда ему было всего 36 лет). Он познакомился с ребятами, когда жил по соседству с Даффом, и больше всего сдружился с Экслем и Слэшем, которые отзывались о нем так: «Долгое время Уэст был единственным, кому мы могли доверять». Но, несмотря на дружбу, Слэш никогда не писал музыку с Аркином. «Мы вместе тусовались и пару раз вместе играли, но мы не играли все вместе с Экслем и с ним», — рассказывал он. Неназванный «друг» позднее описывал Аркина заслуженному биографу рок-музыки Стивену Дэвису как «странную, темную личность, очень скрытного человека. Чудака. Но Роуз высоко его ценил. Экл играл Уэсту свои песни и спрашивал его мнения об их творчестве».

Экл уже отстранился от остальных музыкантов, не разделяя их интереса к злоупотреблению химическими веществами и став увереннее в своих суждениях о творчестве. Он прислушался к беспокойству Зутаута за будущее Guns N' Roses, и его меньше всего заботили так называемые «странности» его друзей. Майк Клинк встретился с Зутаутом в августе 1986 года, чтобы сообщить, что предварительные сессии звукозаписи проходят безрезультатно, потому что Слэш на них не приходит. Это лето стало затяжным прыжком в бездну зависимости. Слэш был настолько не в себе на фотосессии для компании «Geffen», что его пришлось буквально держать под руки. Однажды ночью он потерял сознание, и его пришлось откачивать. Есть рассказы о драках в ночных клубах

и об угрозах Эксла уйти из группы. «В какой-то момент я перестал играть на гитаре, — признавался Слэш. — Я даже не разговаривал ни с кем из группы кроме Иззи, потому что мы вместе ширялись».

Зутаут начал беспокоиться, как бы его начальники не подумали, что инвестировать деньги в самую опасную группу в мире было, м-м-м... опасно. Создание и продвижение записи обошлось им более чем в полмиллиона долларов, а затраты на производство и маркетинг достигли рекордного бюджета в более чем триста тысяч долларов. Слишком много денег было поставлено на безнадёжных наркош — и рисковал этими деньгами Том. Он сделал ребятам строгое предложение, если вообще можно хоть как-то запугать наркоманов, и сообщил, что, если так пойдет и дальше, он расторгнет с ними контракт еще до выхода альбома. Если корабль тонет, то Зутаут не собирается тонуть вместе с ним. Слэш и Иззи какое-то время лечились в реабилитационном центре, так что по крайней мере на несколько недель избавили других от своих эксцессов. А после того, как друзья разгромили квартиру у «Rumbo Recorders», бросив в окно булыжник, Майк Клинк подвел черту. «Я бы никогда не связался с такими ребятами, — признавался он. — На нашей первой встрече они плевали друг другу через голову. Они и впрямь жили своей бесшабашной уличной жизнью. Но я держал их в строгости, и у нас было правило: никаких наркотиков в студии».

Клинок заключил своего рода сделку с дьяволом: друзья будут писать материал, а он — закрывать глаза на их деструктивное поведение вне студии. Он был рад, когда музыканты работали всю ночь — как им нравилось — до тех пор, пока вообще работали. «Он держался от нас на расстоянии», — сказал Слэш. В конечном счете это оказалось мудрым решением — как только Клинок смог сообщить Зутауту, что песни записываются, представители лейбла стали успокаиваться.

Сделка с «Geffen» была окончательно узаконена, когда группа подписала полный 62-страничный контракт, связывающий их с лейблом. Алан Нивен тоже подписал свой контракт и по случаю устроил ребятам пьянку в «Barney's Beanery», произведя на них впечатление умением держать бокал и рассказами о встречах с Sex Pistols во время работы в «Virgin». «У меня в офисе висел памятный серебряный диск за сингл «Something Else» [из альбома «The Great Rock'n'Roll Swindle»]. Так что Дафф решил, что я нормальный парень. Потом он узнал, что Sex Pistols впервые попали на американское радио, когда я принес запись «Pretty Vacant» диджею радиостанции «WMMS» в Кливленде».

Для Guns N' Roses это было очень важно. Они получили остаток своего аванса от «Geffen» и перестали суетиться, чтобы, хотя и не совсем, свести концы с концами, но им стало гораздо легче жить, когда они превратились в актив корпорации. Для Эксла это было символическое событие, потому что он подписал контракты своим новым именем, которое в одностороннем порядке сменил с Уильяма Брюса Бэйли на У. Эксла Роуза. Так он порвал со своим прошлым, начал новую жизнь и наполнился решимости прожить ее по своим правилам.

Сессии записи альбома не начинались еще несколько недель. Группа продолжала выступать в Лос-Анджелесе, и на их концертах клубы «Troubadour», «Roxу» и «Whisky» были забиты под завязку, а поклонники спешили узнать, правдивы ли слухи о том, что Слэш умер, Иззи в клинике, а Эксл ушел из группы. Ответ на эти вопросы они увидели на сцене прямо перед собой. Концерты проходили в атмосфере мощности и в то же время разгильдяйства — сочетания, присущего Guns N' Roses. Когда ребята выступили хедлайнерами на фестивале «Street Scene» в парке в центре города, атмосфера так накалилась благодаря увещаниям Эксла, что работникам пожарной безопасности пришлось

остановить концерт после нескольких песен, и все, включая Майка Клинка, стали думать, как бы им передать эту атмосферу в записях.

Пока они над этим экспериментировали, Алан Нивен сосредоточился на первых записях, которые Guns N' Roses явят миру, — «независимом» релизе, обещанном Экслем со сцены «Troubadour» еще в июле. Понятие «независимого» релиза было пустышкой, выдуманной для того, чтобы описать записи Mötley Crüe «Too Fast for Love» или «Look What the Cat Dragged In» Poison — дешевые записи с грязным звуком, благодаря которым эти группы получили свои большие контракты. А у Guns N' Roses уже был крупный контракт. И, что удивительно для группы, основным достоинством которой была неподдельность, на их 12-дюймовой пластинке «Live?!*@ Like a Suicide», которая вышла в декабре, присутствовал элемент искусственности, который, в частности, Эксл сразу же заметил и обличил. Это была вообще не концертная запись. Все четыре песни были записаны на ранних сессиях в студии «Pasha» в Голливуде, когда группа недолго сотрудничала с продюсером Спенсером Проффером, и студии «Take One» в Бербанке с продюсером Хансом-Питером Хюбером и Аланом Нивеном, которые выполняли монтаж и сведение. «Geffen» заявили, что не будут платить за запись живого концерта Guns N' Roses, и на записи просто наложили шум толпы, который, по признанию Даффа, был записан на ежегодном фестивале «Texas Jam» 4 июля в Хьюстоне. Нивен выбрал лейбл — конфронтационный «UZI Suicide», — будучи уверенным в том, что им больше никогда не придется с ним работать. «Geffen» сделали 10 тысяч копий и назначили дату выхода на 24 декабря, но на самом деле релиз вышел на девять дней раньше, чтобы поклонники могли получить его до Рождества.

«Я не был уверен, прокатит ли это, но никто ничего не сказал, — вспоминает Алан Нивен. — К тому же мои успешные